

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

ПУТЕШЕСТВЕННИКА ПРОТИВЪ ВОЛИ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДРУЗЬЯМЪ.

Жизнь не такъ однообразна и не такъ соразмѣрно расположена, какъ произведенія рукъ человѣческихъ; законъ, ея правящій, выше нашихъ понятій. Рука невидимая, всемогущая, но отеческая, то ускоряетъ, то тайно отъ насъ замедляетъ теченіе этой прелюдіи будущей жизни, этого напѣва сердечной печали. Событія нашего странничества въ семъ мірѣ суть какъ бы музыкальный отголосокъ, вторящій словамъ Божественнаго Откровенія. Грустная мелодія бываетъ понятнее изъ словъ, ею выражаемыхъ; но за то, мы лучше затверживаемъ уроки, Богомъ даваемые, когда воскрешаемъ въ себѣ задушевные созвучія, которыми они сопровождались. Никогда не путешествовалъ я для удовольствія, никогда я не любилъ путешествій; еще менѣе люблю ихъ теперь, когда мои 54 года опытовъ готовы совершиться.

И однакожь, я путешествую — всею фамиліею, караваномъ, съ тремя поколѣніями, со всѣмъ, что мнѣ любезно въ этой юдоли, съ женою, съ дочерью и ея дѣтьми.

То наказуемые, то утѣшаемые Тѣмъ, Кто единъ есть нашъ путь, наша истина и нашъ животъ, мы несемъ на западъ наши немощи и печали, болѣе удивленные такимъ путешествіемъ на удачу, чѣмъ другіе подивились бы въ Россіи совершенной неподвижности въ теченіе цѣлаго года.

Мы, Русскіе, нѣсколько похожи на рѣзвыхъ дѣтей, которымъ очень мудроно усидѣть въ дѣдовскихъ креслахъ, сколько бы они ни были покойны. Это естественнымъ образомъ объясняется изъ удѣла и предопредѣленія самой величественной Руси. Вѣдь она непрестанно подвигается впередъ и быстрыми успѣхами на поприщѣ всемірной исторіи невольно обнаруживаетъ живущую въ нѣдрахъ ея юношескую силу.

Какъ бы то ни было, мои любезные друзья, вы знаете, что въ Августѣ 1845-го г., въ уединенномъ Бессарабскомъ помѣстьѣ, созданномъ въ степяхъ покойною моею сестрою, подъ гнетомъ тяжелой болѣзни нѣкоторыхъ изъ насъ и безвременною кончиною милаго намъ младенца, никому изъ насъ не мечталось близкое путешествіе. Однако не смотря на то, не прошло мѣсяца, — и мы 25-го Сентября, въ день воскресный, сѣли въ дорожную карету, которая умчала насъ въ невѣдомую даль. И такъ, я по справедливости могу назвать себя, не врачомъ, а путешественникомъ *противъ воли*.

Нашъ внезапный отъѣздъ былъ слѣдствіемъ безусловной покорности, былъ жертвою не вполне произвольною для возстановленія тѣлеснаго здоровья, при всемъ отвращеніи моемъ къ новымъ впечатлѣніямъ и вообще ко всему, что нарушаетъ порядокъ мирныхъ моихъ занятій. Кромѣ того, мнѣ надобно было предать забвенію важнѣйшія домашнія дѣла. Я бросилъ ихъ въ сторону съ усиленіемъ и принужденіемъ себя, въ чемъ заключается если не полное ручательство въ успѣхѣ, то по крайней мѣрѣ предохранительное средство отъ всякаго поздняго раскаянія.

I.

Дорожный дневникъ отъ Бендеръ до Вльы.

23-го Сентябрл. — День важный и торжественный, какъ и всѣ дни, составляющіе эпоху въ жизни и означающіе переходъ отъ извѣстнаго къ невѣдомому. Около вечера мы достигли Бендеръ, лежащихъ на правомъ берегу Днѣстра, древняго Тираса, некогда разсыкаемаго ладьями Греческихъ колоній Понта Эвксинскаго,

подобно Гипанису (Бугу) и Дону, или Танаису. Мы попросили пріюта на ночь у почтеннаго отца протоіерея Н. З., который и принялъ насъ съ радостію. Этотъ достойный священнослужитель сохраняетъ сердечную преданность къ памяти моей возлюбленной сестры. И такъ мы были у близкихъ и какъ бы родныхъ подъ этою смиренною и мирною кровлею.

Бендеры, съ своею древнею Турецкою крѣпостію, увѣнчанною башнями, едва хранятъ кое-какія темныя воспоминанія о Карлѣ XII. Мѣсто дома, въ коемъ жилъ король-солдатъ послѣ своего пораженія подъ Полтавою, не представляетъ болѣе никакихъ слѣдовъ прошедшаго. Когда Карлъ и здѣсь, какъ раненный левъ, бился въ рукахъ янычаръ, кто бы подумалъ, что черезъ сто лѣтъ чужеземный военачальникъ сядетъ на его престолъ, а преемникъ его соперника, Петра Великаго, завоюетъ у Швеціи Финляндію и доставитъ ей Норвегію въ залогъ прочнаго примиренія?.. Извѣстно, что Карлъ XII, въ которомъ высокое граничило съ смѣшнымъ, изъ союзника-просителя сдѣлался плѣнникомъ Турокъ, черезъ распрю съ Бендерскимъ пашею. Домъ, гдѣ онъ жилъ со свитою, былъ осажденъ; янычары взяли приступомъ ворота; Карлъ, встрѣтившій ихъ съ своею страшною шпатою, зацѣпилъ шпорою за платье благородной дамы изъ своей свиты, и упалъ въ руки осаждавшихъ. Подобныя злоключенія довольно часты въ исторіи героевъ.

24-го Сентября. — Прибытіе въ Кишиневъ, главный городъ Бессарабіи. Мой двоюродный братъ, предводитель областного дворянства, И. М. С., принялъ насъ съ своимъ немногословнымъ радушіемъ. Мы насладились благодѣяніемъ тѣхъ гостепріимныхъ обычаевъ, которые исчезаютъ по мѣрѣ приближенія новѣйшаго просвѣщенія, словно добровѣщія аисты, селящіеся у насъ на камышевыхъ крышахъ хижинъ, но улетающіе далеко отъ позлащенныхъ кровель дворцовъ. — Кишиневъ раздѣляется на городъ нижній и верхній; мой отецъ, первый губернаторъ области послѣ ея завоеванія, основалъ

городъ новый, который видимо украшается, но ужъ въ слишкомъ большихъ размѣрахъ. Цѣлая роща деревьевъ окружаетъ новый соборъ; широкія улицы, къ нему идущія, устланы сыпучимъ пескомъ; 35,000 жителей кажутся затерявшимися въ пространствѣ; но за то со всѣхъ балконовъ верхняго города взоръ открываетъ вдали горизонтъ холмовъ, виноградниковъ и деревушекъ. Этотъ уголокъ моей родной земли есть только образчикъ красоты и богатства Молдавіи; чтобы лучше узнать ихъ и лучше ими полюбоваться, нужно посѣтить монастыри Орчейской долины, или еще лучше, перейти Прутъ и Сиреть, чтобы видѣть горы Нямца и Пястры, слияніе Быстрицы и Сирета, словомъ, посѣтить мѣста, прославленные подвигами Стефана Великаго.

27-го Сентября. — Мы достигли города Бельцъ; главнаго средоточія торговли скотомъ между Россіею и Австріею. Хорошій ночлегъ ожидалъ насъ тамъ у другаго соотечественника, Г. П. Е. К. На другой день, около полуночи, мы были на границѣ Имперіи, подъ крышею моего двоюроднаго брата, предводителя, въ его мѣстечкѣ Новоселицѣ, гдѣ благородный владѣлецъ развелъ садъ и строить прекрасную церковь. — Бессарабію можно называть дорогимъ камнемъ въ вѣнцѣ нашихъ самодержцевъ, хотя не столь блестящимъ какъ Таврида, но за то болѣе цѣннымъ полезною существию. Среди населенія Молдавскаго и Болгарскаго, восходящаго до 800,000 душъ, замѣтно множество Евреевъ и Русскихъ раскольниковъ, къ сожалѣнію, сюда переселившихся. Имъ, конечно, не удастся совращать коренныхъ жителей; однако расколъ религіозный все таки явленіе нерадостное въ порядкѣ общественномъ

30-го Сентября. ст. ст. — Мы оставили домъ нашего родственника, чтобы переступить границу Россіи въ точкѣ пересѣченія предѣловъ трехъ Имперій. Ибо съ высоты бельведера, устроеннаго на крышѣ, видны изъ Новоселицы владѣнія Турецкія, Австрійскія и Русскія, соприкасающіяся въ семь мѣстъ.... Какъ долго тусклое свѣ-

тило мусульманства все еще мерещится при полномъ сіяніи солнца правды и истины! Блѣднѣетъ на горизонтѣ челоуѣчества кровавый Магометовъ серпъ, но все еще не согрѣтый лучами духовнаго солнца. Счастливъ тотъ, кто доживетъ до времени лучшихъ! А до тѣхъ поръ возможно ли не осуждать строго излишней заботы Христіанскаго Запада, который безпрестанно хлопочетъ около изнуреннаго тѣла и снабжаетъ его отступниками, въ надеждѣ вдохнуть въ него просвѣщеніе мимо Христіанства!

Черновець—главное мѣсто Буковины, отдѣленной отъ Молдавіи и уступленной Австріи по Систовскому мирному договору, виднѣется издалека, на вершинѣ горы, окаймленной у подошвы своей излучинами Прута. Это образъ города, упоминаемаго въ Евангеліи, который *не можетъ укрытися, верху горы стол.* Воздухъ здѣсь свѣжъ и здоровъ; окрестности прекрасны. Здѣсь-то мои дяди и матери, Князья М., тогда еще молодые, истратили свою Латинь въ переговорахъ на этомъ языкѣ съ полномочными Австріи. Здѣсь живетъ Епископъ православнаго исповѣданія, подчиненный Митрополиту Карловинскому. Народонаселеніе этой стороны Словянское и Дако-Римское. Говорятъ на двухъ языкахъ, не считая Нѣмецкаго, языка властей.

Въ Черновцѣ видѣли мы строящійся соборъ нашего исповѣданія. Начатое зданіе столь обширно, что я не понимаю, какъ могли рѣшиться предпринять его. Можетъ быть, участвуетъ здѣсь чувство справедливости: эта церковь была обѣщана жителямъ назадъ тому полвѣка, и сверхъ того правительство, конечно, приняло во вниманіе цѣнность имуществъ, у тамошняго духовенства отобранныхъ. Какъ бы то ни было, лучше было бы, по моему мнѣнію, менѣе издерживаться на соборъ и дать болѣе удобства и дѣйствительности призраку семинаріи.

Вотъ мы вступили на поприще этой прекрасной и обширной монархіи, которая совмѣщаетъ столько различныхъ народовъ, и тѣмъ отличается отъ прочихъ госу-

дарствъ Европейскихъ , что въ ней разноязычіе и разноплеменность, встрѣчаемыя на каждомъ шагу, искуснымъ образомъ подчинены всеобъемлющему единовластію. Инако Австрія едва ли могла бы существовать , ибо Германская стихія не равняется въ ней Словянской; а числительное отношеніе господствующаго племени къ Венгерцамъ, Италіянцамъ и Дако-Румунамъ, или Волохамъ, также уступаетъ имъ въ совокупности: вотъ почему допущено разнообразіе мѣстныхъ уставовъ и обычаевъ. Оно пригодилося Императрицѣ Маріи Терезіи и послужило ей опорою въ роковую борьбу 1745 и 1755 — 62 годовъ. Венгерцы стали грудью за свою любимую Королеву, а при ея преемникѣ, Іосифѣ II, разнородность составныхъ частей Австріи подала, какъ увѣряли меня въ Вѣнѣ , поводъ къ обсужденію вопроса : не усвоить ли правительству языкъ Словянскій вмѣсто Нѣмецкаго ?

Мы переѣхали Буковину, чтобы вступить въ Галицію, древнее родовое наслѣдіе потомковъ Св. Владиміра. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ , голубая цѣпь Горъ Карпатскихъ все рѣзче выказывала на горизонтѣ свои величественные очерки. Этотъ оплотъ національности Словянской возвышался уступами, пока не пропалъ изъ глазъ. Тамъ и сямъ одинокая гора, съ облакомъ на челѣ, являлась высокимъ подобіемъ гснія , погруженнаго въ уныніе и многими непризнаннаго.

Но сосѣдство горъ въ позднее время года, подъ небомъ не-Италіянскимъ , навлекло на насъ ужасную погоду — вихри, дожди, словомъ , всѣ непріятности, которыя гнетутъ челоуѣка, но укрѣпляютъ его. Я ничего не замѣчу о Станиславовѣ, Коломенѣ, Перемышлѣ, о переправахъ черезъ рѣки, ночлегахъ, завтракахъ, почтосодержательницахъ и ихъ лошадяхъ, общающихъ много и такъ мало выполняющихъ. Однако, должно съ похвалою упомянуть о прекрасныхъ Австрійскихъ шоссе, имѣющихъ одинъ лишь недостатокъ : много извилинъ, даже въ равнинахъ, — развѣ для того, чтобы длилось удовольствіе.

Галиція кажется безконечною : вездѣ жида, нищія и солдаты. Мы вздыхали объ Австрійской Силезіи и о

благодѣтельной желѣзной дорогѣ отъ Лейпника до Вѣны. Наконецъ мы здѣсь; наши экипажи предшествуютъ намъ; глухой шумъ, подобный заглушенному реву Везувія слышится издалека; толпа стремится, тѣснится, перекидывается; промышленность, съ ледянымъ сердцемъ и мѣднымъ лбомъ, простираетъ руку и указываетъ мѣста легкомысленнымъ дѣтямъ XIX вѣка; она молчитъ, ибо цифры замѣняютъ ей человѣческое слово, ибо человѣкъ для нея потребитель или кипа товаровъ. Вдругъ раздается пронзительный свистокъ кондуктора: горе немощнымъ; вагоны захвачены, какъ попало, первыми похитителями, и поѣздъ трогается подъ облакомъ густаго и зловоннаго пара, вырывающагося клубами изъ волшебнаго котла. Слѣпыя силы природы повинуются съ глухимъ рокотомъ и влекутъ насъ; но иногда онѣ и мстятъ за себя.

Мы прибыли въ Вѣну въ тотъ же день, въ 5 часовъ по-полудни, измученные, голодные; клеветы промышленности, дабы выиграть потерянное передъ отъѣздомъ время, везли насъ какъ рабочій скотъ. Мы остановились въ отели золотого ангца, въ Леопольдштатѣ.

Уже въ четвертый разъ я въ Вѣнѣ; надѣюсь, по возвратѣ къ моему домашнему очагу, уже болѣе не видать ея. Я не питаю къ ней никакой вражды; по открытое море не можетъ быть для насъ пристанью. Моя ладья выдержала на чужбинѣ столько бурь; я видѣлъ суету всего земнаго подъ личинами, столь разнообразными. Въ 1814 и 1815 г. Вѣна представила мнѣ зрѣлище конгресса вѣнценосцевъ Европы, послѣ паденія Наполеона. Дѣятельно участвуя въ сей эпохѣ, я близко приглядѣлся къ предметамъ. Теперь, спустя 30 лѣтъ, я нахожу Вѣну почти такою же. Вѣрная преданіямъ, постоянная въ своихъ привычкахъ, Вѣна сидитъ на берегахъ Дуная, считая дни по однообразному току его струй. Здѣсь движется одно лишь правительство, но благоразумно и медленно, въ надеждѣ умѣрить опрометчивость XIX вѣка. Вѣну можно опредѣлить такъ: мѣсто, гдѣ Эпикуръ сдѣлался Христіаниномъ.

II.

Путь отъ Вьны до Венеціи.

Въ началѣ Октября народная волна вынесла насъ изъ Вьны на желѣзную дорогу, проведенную до города Бругга, откуда надлежало намъ, чрезъ Клагенфуртъ, мимо Стирійскихъ Горъ, проѣхать на почтовыхъ въ Венецію. Описывать ли здѣсь огромную подвижную гостиную, въ которую втѣснили насъ съ людьми всякаго народа и племени поднебеснаго? Наши собственныя кареты поставлены были на длинномъ станкѣ, — и длинная веревя колесницъ, вагоновъ, ящиковъ, набитыхъ скотомъ и домашнею птицею, быстро помчалась по желѣзной колѣ къ югу. Окрестности, мелькавшія по обѣимъ сторонамъ, отличались повсемѣстно обработкою садовъ и полей; но лучшія мѣстоположенія сокрыты были отъ нашего взора, потому что желѣзная дорога лежитъ черезъ равнины, обходитъ города, однимъ словомъ, поплачивается съ путниками за быстроту ѣзды самымъ скучнымъ и безцвѣтнымъ однообразіемъ. Стирія и Каринтія щедро одарены природою, какъ вообще большая часть владѣній Австріи, мало-по-малу покорившей себѣ сердцевиною Европы, столь обильную благами земли и пріятностію климата. Всѣ сѣи области достались Гасбургскому и Лотарингскому дому не столько мечемъ, сколько брачными союзами, мирными договорами и постоянствомъ политики цѣлебной (*).

Кротость въ управленіи *наслѣдовала* въ самомъ дѣлѣ *землю*, и еще какую: точащую медъ и млеко, орошаемую быстрыми рѣками, огражденную и разграниченную хребтами живописныхъ горъ, кипящую народомъ и безпечнымъ веселіемъ. Мы перебрались черезъ отрасли Альпійскихъ Горъ и въ Удинѣ застали уже Италію. Звуки мягкаго языка рѣзко отделились отъ грубаго Австрійскаго нарѣчія; лицо, зданія, обычаи — все измѣнилось. Въ домахъ было холодно; на чистомъ воздухѣ тепло;

(*) Всѣмъ извѣстенъ старинный Латинскій стихъ:

Bella gerant alii; at tu, felix Austria, nube.

вѣялъ тихій вѣтеръ и будто съ ласкою принималъ больныхъ странниковъ. На слѣдующій день мы подъѣхали къ лагунамъ; надобно было оставить въ Местрѣ наши кареты, помѣститься на лодкахъ и поплыть съ небольшою поклажею къ земноводной Венеціи, развѣнчанной царицѣ Адриатическаго Моря. Не станемъ повторять возгласовъ и восклицаній нашихъ предшественниковъ; первыя впечатлѣнія всегда тѣ же: городъ съ протоками воды вмѣсто улицъ; на нихъ высаятся крытые мосты; по нимъ катятся безчисленныя гондолы; домъ, дворцы, великолѣпныя базилики на сваяхъ; захватъ къ знакомому нелзя, а надобно причалить, или по узкимъ закоулкамъ добратся пѣшкомъ. Одна только изящная площадь Св. Марка, дворцами обставленная и примыкающая къ морю, привлекаетъ къ себѣ всю жизнь и дѣятельность Венеціи на твердой землѣ. Отъ этой площади тянется улица, называемая Поморіемъ Словянскимъ, которая огибаетъ весь заливъ и украшена порядочными зданіями. — Извѣстно, что храмъ Св. Марка есть лучшій и превосходнѣйшій образецъ Византійскаго зодчества, по коему надлежало бы изучать искусство всѣмъ нашимъ молодымъ и православнымъ художникамъ. Вмѣсто безконечныхъ толковъ и пересудовъ о Византійскомъ стилѣ, слѣдовало бы изучать его въ Венеціи, на площади и подъ сводами Св. Марка. Все прочее минуло, вымерло, исчезло въ Венеціи; роскошныя дворцы мудрой и гордой аристократіи сдѣлались собственностію Еврейскихъ банкировъ, плясунъ, плясавицъ и пѣвицъ нашего времени; всемірная пристань опустѣла; памятники искусствъ притаились въ галлереяхъ; палаты Дожа молчатъ; Венеція оставила по себѣ памятникомъ тринадцатаго вѣкаго бытія своего одну только несравненную церковь Евангелиста. Какъ величайшіе въ исторіи властители и герои, потрясавшіе шаръ земной, вдругъ опускаются въ мрачный склепъ, и въ память былой славы оставляютъ на землѣ одинъ надгробный камень и умилюющій крестъ: такъ точно долговѣчная республика, владычица морей, посредница царствъ, расхитившая Византію, не представляетъ теперь

взору и мысли болѣе ничего, кромѣ одного убѣжища молитвы.

Для насъ, православныхъ, замѣчательнѣе всего въ Венеціи древняя Греческая церковь во имя св. Велико-мученика и Побѣдоносца Георгія, изящное произведеніе знаменитаго архитектора Сансовино, сооруженная изъ тессаннаго камня и мрамора. Это памятникъ мудрой политики и вѣротерпимости отжившей республики. Владѣя многими странами и портами на Востокъ, завоевавъ Морею и островъ Критъ, утвердившись на Ионическихъ Островахъ, Венеція постигла необходимость и пользу кроткаго обращенія съ восточными Христіанами. Въ слѣдствіе того, сама позаботилась объ учрежденіи у себя особенной архіепископской кафедрѣ, названной Филадельфійскою и состоявшей подъ властію Константинопольскаго патріаршаго престола; тотъ же Архіепископъ завѣдывалъ духовными дѣлами Далмаціи и Истріи. При церкви и святительскомъ домѣ мало-по-малу возникли—училище, заслужившее добрую славу, типографія, которая въ продолженіе двухъ столѣтій исключительно снабжала весь Востокъ церковными и богослужебными книгами, наконецъ больница и пріютъ для Грековъ, пріѣзжавшихъ по торговымъ дѣламъ въ Венецію. Лѣтописи ея, равно какъ и архивъ церковный, свидѣтельствуютъ о богатствѣ и значительныхъ капиталахъ епархіи Филадельфійской. Къ тому жъ, общество Грековъ было тогда гораздо многочисленнѣе; ибо торговля и любовь къ наукамъ привлекали многихъ подъ сѣнь умной аристократіи; купцы промышляли въ Венеціи, а любознательные юноши наполняли собою учебныя храмины и скамьи Падуанскаго Университета. Церковь блюла ихъ отъ вѣроотступничества; правительство же привязывало къ себѣ узами воспитанія и благодарности. Столь благоразумная система, опередившая наши времена, много доставила выгодъ и приверженцевъ смѣтливой Венеціи. И она тѣмъ удивительнѣе по времени, что все это дѣлалось вопреки Римскому духовному самодержавію, наперекоръ видамъ и внушеніямъ его, даже иногда съ безстрашнымъ отраженіемъ

его перуновъ. Но Французская революція, воплотясь въ лицѣ юнаго Наполеона, неистово приразилась къ ветхому зданію могущества и славы Венеціанъ; оно не устояло противъ грозы; мечъ завоевателя стеръ имя Венеціи на скрижали независимыхъ государствъ и коснулся самой святыни. Церковь Св. Георгія обнажили Французы, похитили всѣ запасныя суммы, ей принадлежавшія, и тѣмъ положили конецъ православному преемству святителей въ Италіи. Послѣ сего насильственного переворота, торговля и мореплаваніе Венеціи пришли въ совершенный упадокъ: соперница Тира, Карфагена и Рима обнищала; золотая книга патриціевъ, куда записывались иногда и Цари, заключила наконецъ длинный каталогъ именъ, которыми она обогатила новѣйшую исторію. Овдовѣвшій храмъ Св. Георгія уцѣлѣлъ, но въ видѣ простой приходской церкви, при коей еще удержалась типографія, но осталась малая горсть прихожанъ. Нынѣ застали мы настоятелемъ церкви достойнаго и ученаго іеромонаха Анѣима Мазараки, который священствуетъ въ ней съ однимъ помощникомъ. Онъ собираетъ вокругъ себя полу-Итальянскихъ дѣтей тамошнихъ Грековъ и ревностно обучаетъ ихъ безсмертному языку предковъ и вкупѣ Св. Вѣрь, источнику безсмертія. — Кромѣ сего небольшого училища, въ прошломъ 1845 г. открыта вновь больница на 20 кроватей въ зданіяхъ, церкви принадлежащихъ, и въ исполненіе завѣщанія недавно умершаго въ Венеціи Греческаго купца. По словамъ о. Анѣима Мазараки, больные Греки находили для себя убѣжище въ больницѣ городской и безразлично получали въ ней врачебную помощь. Вѣротерпимость Австрійскаго начальства простиралась даже до того, что къ трудно-больнымъ и умирающимъ безпрепятственно прихаживалъ Греческій іерей и приносилъ имъ св. дары со всею торжественностію, какую наблюдаютъ Римскіе священники въ подобныхъ случаяхъ. Это длилось во все время духовнаго управленія Іоанна Владислава Пиркера, мужа знаменитаго и Христіанскою добродѣтелью и даромъ поэзіи. Но его перевели въ Венгрію примасомъ

тамошних Латинскихъ церквей ; его преемникъ, ревнующій не по разуму , вдругъ запретилъ больничнымъ приставамъ давать доступъ въ оную Греческому священнику , приходящему съ торжествомъ для пріобщенія больныхъ ; отъ неожиданнаго запрещенія произошла непріятная встрѣча ; о. Анѣиму возбрали входъ ; онъ съ большимъ присутствіемъ духа извинился невѣдѣніемъ отъѣзды, но вмѣстѣ настоялъ на томъ , чтобы его впустили хотя въ тотъ разъ , погрозивъ настоятелю оскорбленіемъ святыни. Добродушный Итальянецъ палъ на колѣни , и священникъ проникъ въ больничную палату , гдѣ и совершилъ торжественно свой долгъ. Съ тѣхъ поръ стали думать объ учрежденіи отдѣльной Греческой больницы , и богоугодное это заведеніе осуществилось въ нашихъ глазахъ.

Иеромонахъ Анѣимъ пишетъ исторію знаменитыхъ мужей роднаго острова Кеѳалоніи , и прожилъ уже въ Венеціи цѣлое десятилѣтіе. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ духовныхъ особъ , кои приносятъ прямую честь Православію въ Италіи. Онъ счастливѣе своихъ сослужителей въ Ливорнѣ и Анконѣ , Римѣ и Неаполѣ тѣмъ только , что безопасенъ отъ угнетенія властей собственно-Итальянскихъ. Ибо полу-Словянская Австрія , сколько ни предана Римскому престолу , на который имѣетъ она сильное политическое вліяніе , однако умѣетъ обращаться съ православными , которыхъ старается соблазнить , но явно притѣснять не смѣетъ. Вотъ почему и въ соседнемъ Тріестѣ благоденствуютъ двѣ церкви единовѣрныя намъ , изъ коихъ одна — по языку богослуженія Греческая , другая — Словянская. При обѣихъ открыты небольшія училища ; но Словянскіе священники жалуются на недостатокъ учебныхъ книгъ. Для нихъ одинъ экземпляръ пространнаго Катихизиса или Священной Исторіи на Русскомъ языкѣ — самый вожделѣнный подарокъ. Впрочемъ привязанность къ вѣрѣ православныхъ Словянъ въ Австріи питается преимущественно народными воспоминаніями и надеждами. Отъ Бѣлграда до Тріеста пробудился и мало-по-малу разгарается духъ народный , исполненный жизни Словянизмъ , изумляющій съ нѣкотораго вре-

мени цѣлую Германію. *Mens agitat molem*, по выраженію древняго поэта, къ чему можно примолвить: *mens sana in corpore sano*, ибо Илирійскія и Сербскія племена, отъ Каттора до Балканскихъ Горъ, отличаются смѣтливостію ума, бодростію духа и крѣпчайшимъ тѣлосложениемъ. Жаль только, что Унія, ни горячая, ни студеная, распространилась, подобно накожной болѣзни, по всемъ Словянскимъ областямъ, Австрійскому скипетру подвластнымъ. Въ 1845 г. нанесенъ Уніи чувствительный ударъ; но предоставимъ подробности сего нечаяннаго событія тому времени, когда начнется нашъ обратный путь къ берегамъ Эвксинскаго Понта.

III.

Путь отъ Венеціи до Пизы грезъ Аппенинскія Горы.

Въ навечеріе нашего выѣзда изъ Венеціи, мы долгомъ почли проститься съ нею на площади Св. Марка, ярко освѣщенной газомъ. Это волшебное зрѣлище, эта продолговатая, четвероугольная, гладкими плитами устланная площадь, съ величественнымъ посреди ея храмомъ и позднѣйшихъ временъ колокольною, вся горитъ какъ бы въ потѣшныхъ огняхъ, и по ней безопасно гуляютъ пѣшеходцы, какъ въ залѣ, потому что никогда не ступала на нее запряженная вежа или нога животнаго. Въ слѣдующее утро мы усѣлись опять на лодкахъ и помчались по гладкой поверхности лагуны, мимо островка, гдѣ таможня поставлена на стражѣ новаго порто-франко, но безъ всякаго стѣсненія для путешественниковъ. Вдали на красивыхъ аркахъ доканчивали великолѣпный мостъ, черезъ который будетъ пролегать желѣзная дорога, и наконецъ соединить земноводную Венецію съ твердымъ берегомъ. Чтѣ въ Средніе Вѣка сочли бы враждебнымъ дѣйствіемъ, то самое теперь признается благодѣяніемъ для Венеціянъ. Прошли тѣ времена, когда именитому поэту Санназару гордая республика пожаловала кучу денегъ за прекрасные Латинскіе стихи, въ коихъ стихо-

творецъ вымышляетъ разговоръ между Марсомъ и Нептуномъ, спорящихъ о преимуществѣ основанныхъ ими городовъ Рима и Венеціи. Преніе оканчивается прекраснымъ стихомъ :

»*Illam homines dices, hanc potuisse deos.*»

Черезъ Падую проѣхали мы не останавливаясь. Въ Мантуѣ бросили мы бѣглый взглядъ на прекрасную площадь Виргиліеву. Въ Пармѣ провели мы остатокъ дня и остались ночевать; ибо дальнѣйшій путь черезъ Аппенинскія Горы не хорошо устроенъ и потому труденъ. Цѣлыя сутки взбирались мы на горный хребетъ и спускались въ темнотѣ осенней ночи, съ переправою на дурномъ паромѣ черезъ быструю рѣку и среди самихъ дикихъ окрестностей, напоминавшихъ намъ матушку-Россію. На разсвѣтъ юго-западная покатость горъ открыла нашему сонному взору зрѣлище великолѣпное и для насъ новое: мы спускались по уступамъ горъ къ синѣвшему вдали Морю Средиземному, и на каждомъ уступѣ роскошное прозябаніе смѣнялось другимъ. Изъ кипарисныхъ рощъ мы въѣхали въ нижній воздушный слой, дикимъ маслинамъ и каштановымъ деревьямъ благопріятный; еще ниже, и мы очутились среди померанцовыхъ и лимонныхъ деревъ, изъ коихъ выглядывали загородныя усадьбы и прелестныя домики. Подъѣзжая къ Сарзаннѣ, мы увидѣли цѣлые заборы цвѣтущихъ розъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Отъ Сарзанны до Пизы каждый шагъ впередъ былъ новымъ очарованіемъ; ибо Каррара, гдѣ добываютъ лучшій мраморъ для ваятелей, и дорога, извивавшаяся между горъ и зеленыхъ лѣсовъ, съ проблесками голубаго моря; городокъ Масса и старинный замокъ его и апельсиновая роща на главной площади сего городка, которою гордятся и любятъ жители; наконецъ Лукка, бывшая столицею отжившей республики, — все это съ избыткомъ награждало насъ за трудный перѣздъ черезъ Аппенины, далеко уступающія красотою вершинъ своихъ Горамъ Альпійскимъ. Мы въѣхали въ Пизу, бывшую некогда соперницею Генуи, остановились на берегахъ причудливой рѣки Арно

и, по совету врачей, расположились зимовать подъ кроткимъ Тосканскимъ небомъ.

До меня многіе описали гостепріимную Пизу, въ которой нѣкогда считалось до 70,000 жителей, въ то время какъ торговые и воинственные ея граждане спорили о первенствѣ съ Флорентинцами и Генуезцами, занимали въ Византіи отдѣльную часть города, любили привольную жизнь и славились чуть ли не первыми въ сонмѣ тревожныхъ Итальянскихъ республикъ. Теперь все измѣнилось на этой почвѣ, кромѣ прелестей и красотъ природы и нѣкоторыхъ памятниковъ искусствъ. Огромной величины соборная церковь, крещальня, или баптистерія — круглообразное зданіе въ видѣ чалмы, Campo Santo, т. е. поле, или вѣрнѣе — чертогъ смерти, — ибо кладбище сіе обставлено великолѣпными портиками, въ коихъ тѣснится множество памятниковъ надгробныхъ, а въ серединѣ поляна усыпана землею, вывезенною изъ Іерусалима; не вдалекѣ архіерейскій дворецъ; далѣе Университетъ, со всѣми принадлежностями науки: вотъ все, что составляетъ остатокъ былого, чѣмъ дорожатъ и гордятся Пизане предъ посѣщающими ихъ городъ хворыми иностранцами. Купцы и хозяева домовъ живутъ на счетъ пріѣзжихъ гостей, для коихъ близость портового города Ливорно представляетъ много дополнительныхъ выгодъ. Между Пизою и Ливорно протянута желѣзная дорога, и прежняя двухчасовая ѣзда сократилась такимъ образомъ въ 25-ть минутъ. Тосканское правительство похоже на усталого старца, которому не до улучшеній; однако видны еще кое-гдѣ въ Тосканѣ слѣды благотворной дѣятельности Леопольда, возведеннаго въ послѣдствіи на Австрійскій престолъ. Хлѣбопашество, орошеніе полей, состояніе ремеслъ, все въ ней лучше, нежели въ смежныхъ Римскихъ владѣніяхъ.

Въ Пизѣ отменно тихо, покойно, тепло и скучно: условія самыя благопріятныя возстановленію здоровья; ибо въ наше время ложныя мнѣнія, вымышленныя потребности, непрерывность новыхъ впечатлѣній и неу-

молкающій говоръ человѣческихъ страстей болѣе нежели когда-нибудь утомляютъ земныхъ странниковъ и производятъ въ насъ какую-то потаенную искусственную лихорадку, гибельную для души, но и не менѣе вредную для тѣла.

При главной Тосканской пристани на Средиземномъ Морѣ, Ливорно, находилось наше духовное пристанище — православная церковь Греческаго купеческаго общества, управляемая двумя іеромонахами — старцами: Іоакимомъ и сослужителемъ его Меѳодіемъ. Церковь эта, помѣщенная въ особенномъ домѣ, благолѣпна, высока, обставлена вдоль стѣнъ сѣдалищами, по древнему восточному обычаю, съ отдѣленіемъ на хорахъ, исключительно предоставленнымъ женскому полу. Въ ней на литургіи и ектеніяхъ поминаютъ Патріарха Александрійскаго, коему церковь издревле подчинена; потомъ Россійскаго Императора Николая Павловича, и въ заключеніе — православное Греческое правительство, не называя по имени нынѣшняго Короля Оттона. Греческіе студенты при Пизскомъ Университетѣ также принадлежатъ къ Ливорнской паствѣ, и нѣкоторые изъ нихъ прилежно посѣщаютъ храмъ Божій. Кромѣ онаго есть придѣлъ и на Греческомъ кладбищѣ, а въ среднѣхъ города высится Греко-Унитскій храмъ, нѣкогда православнымъ принадлежавшій. То же самое отпаденіе произошло недавно въ Анконѣ; горсть устоявшихъ въ правовѣріи отделилась отъ толпы и учредила для себя особую церковь, для поддержанія коей наше правительство отпускаетъ ежегодно по 500 испанскихъ талеровъ, инако, 600 съ небольшимъ руб. сер.

Съ трудомъ успѣлъ я познакомиться въ Пизѣ съ нѣкоторыми изъ туземныхъ профессоровъ и ученыхъ. Мнѣ особенно полюбился профессоръ клиники, Пучинотти, старецъ опытный и привѣтливый, богатый свѣдѣніями и живымъ сочувствіемъ ко всему Христіанскому. Викарный Пизскаго Архіепископа, прелатъ Делла Фантерія также замѣчательный человѣкъ, умѣющій разтворять солию пріятнѣйшихъ бесѣдъ неутомимую дѣятельность духов-

ную. Жаль только, что іезуитское вліяніе, въ Римѣ теперь столь сильное, овладѣло и имъ. Делла Фантерія вознамѣрился учредить въ Пизѣ воспитательный монастырь для женскаго пола и ввѣрить оный такъ называемымъ монахинямъ Святѣйшаго Сердца Іисусова, которыхъ общее мнѣніе въ Тосканѣ, враждебное іезуитамъ, считаетъ орудіями властолюбиваго ордена. Отъ сего подозрѣнія возникло противодѣйствіе видамъ прелата; неистовая толпа шалуновъ и площадныхъ тунеядцевъ вздумала по вечерамъ выбивать камнями стекла въ домъ Делла Фантеріи съ крикомъ и шумомъ. Онъ получалъ отовсюду безыменныя грозныя письма; даже сословіе профессоровъ на него ополчилось и послало жалобу Великому Герцогу, основанную на томъ, что монахини Святѣйшаго Сердца подчинены іезуитамъ, водвореніе коихъ въ Тосканѣ воспрещено закономъ.

Въ прощальной бесѣдѣ моей съ умнымъ и мягкосерднымъ Делла Фантерія мы заговорили о Свящ. Писаніи, объ огромномъ современномъ трудѣ нашего знаменитаго ученаго и проповѣдника, о. Константина Икономоса, написавшаго уже три тома въ защиту Греческаго перевода LXX толковпиковъ. Благоувѣтливый прелатъ вынулъ изъ своей библіотеки экземпляръ нашей Словянской Библии, изданной Библейскимъ Обществомъ, и хотѣлъ узнать отъ меня: можно ли положиться на согласіе сего изданія съ выходящими подъ ближайшимъ надзоромъ самой Церкви? Я отозвался тѣмъ, что никогда не сличалъ ихъ вмѣстѣ. Прощаясь со мною, прелатъ повелѣлъ меня въ недавно устроенную имъ келейную свою церковь. Разномысліе между нами не воспрепятствовало благоговѣнію: я пожалъ у него руку, примолвивъ слово псалмопѣвца: *едино просихъ отъ Господа, то възыщу, еже жити ми въ дому Господнемъ*, — а онъ съ радостію докончилъ сладостное изреченіе.

Однакожь, болѣе всѣхъ полюбился мнѣ въ Пизѣ скромный педагогъ, пылкій и даровитый поэтъ Г. Джузеппе Табани. Я восхищался его произведеніями, вслушивался

въ его импровизаціи, какъ въ стройный говоръ потока, вытекающаго изъ горъ отъ недознаннаго источника. Радущіе и кротость Табани мнѣ очень понравились; съ нимъ можно было говорить безпристрастно и о чужомъ, въ то самое время, какъ въ Италіи и на цѣломъ Западѣ журналы гремѣли противъ мнимыхъ гоненій на Латинскую Церковь въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, повторяя пельпости и небывицы, выдаваемыя Парижскою Прессою за истину. Однажды Табани пріятно изумилъ меня сонетомъ въ честь и похвалу Государя Императора Николая Павловича. Безъ всякаго разсчета и побочной цѣли, Тосканскій пѣвецъ, какъ бы наперекоръ неистовымъ клсветамъ и злокозненнымъ жалобамъ, начерталъ эти строки. Вотъ онѣ въ подлинникъ:

A. S. Maestà l'Imperatore delle Russie.

Io Ti saluto, io t'ammirai sovente
Sul soglio tuo, dal Tosco suol lontano,
Col fren di tant Europa in l'una mano
E di tant'Asia in l'altra man possente;

Scudo alla Greca libertà nascente;
Folgore a chi contro Te pugna invano;
Di forza e maestà raggio sovrano
All'infinita tua sddita gente.

O Sommo Augusto, al senno tuo profondo
Migliorar tante sorti e al tuo gran core
Serba il voler arcano dei destini:

Nè saran mozzi di lassuso i fini;
Poichè un' alma ti dicde il Creatore
Da ben regnar non che'l Tuo impero, il mondo.

Любители такъ мало знакомой намъ Итальянской литературы охотно прислушаются къ пѣвучему стиху прекрасной Авзоніи.

IV.

Путешествіе въ Римъ чрезъ Ливорно. — Пребываніе въ Римѣ. — Возвращеніе въ Пизу.

Наступилъ Мартъ мѣсяцъ, и мы собрались въ дорогу. Намъ хотѣлось провести въ Римѣ обѣ страстныя седмицы и обѣ свѣтлыя, т. е. по западному и восточному лѣтосчисленію — совпадавшія почти въ одно время въ 1846 году. Отплывъ изъ Ливорно на Тосканскомъ пароходѣ, въ ненастную погоду, мы благополучно прибыли въ Чивитта - Веккію, послѣ проведенной на морѣ бурной ночи. Корабельщикъ нашъ чуть было не зашелъ въ пристань острова Эльбы, чтобы укрыться отъ порывовъ сильнаго вѣтра; но къ счастью, передъ разсвѣтомъ море начало утихать, и мы потеряли случай заглянуть въ сторожевое гнѣздо знаменитаго Наполеона. Отъ Чивитта - Веккіи до Рима путь лежитъ чрезъ безлюдную степь, которая своею дикостію заставляетъ путника жалѣть о прекрасно - воздѣланныхъ поляхъ Тосканы.

До меня кто не мечталъ, кто не говорилъ и не писалъ о старомъ и новомъ Римѣ? Среди сихъ міродержавныхъ холмовъ пылалъ нѣкогда символическій огонь Весты; здѣсь древняя Греція, посредствомъ выходцевъ своихъ, воспитала и просвѣтила будущихъ своихъ повелителей; здѣсь изъ стихій Востока и Запада составилось мало-по-малу вѣковое зданіе республики, которую провидѣлъ Даніилъ и нарекъ желѣзомъ. Отъ смѣшенія сего желѣза съ перстью варварскихъ народовъ произошли твердыя стопы Римскаго колосса, а изъ нихъ Римско-феодалный міръ, разрушенный не прежде Французской революціи. Мы и теперь еще живемъ и движемся среди его обломковъ. Странно и замѣчательно, хотя мало кѣмъ изъ историковъ замѣчено: роковое предопредѣленіе Греціи въ отношеніи Италіи и Рима. Однако пора высказать эту истину вполнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Италія обязана Греціи *троекратнымъ* своимъ возрожденіемъ; ибо сперва школа Пифагора и гражданственность такъ называвшейся Великой Греціи, отъ Неаполя до Реджіо, пере-

дали полудикой Италіи свѣтъ восточныхъ преданій и наукъ. Неистовая вольница, водворенная Ромуломъ на семи холмахъ, едва начала устроить себя, какъ уже посылала въ Грецію за уставами, вошедшими въ текстъ XII скрижалей. Самый языкъ Латинскій есть не что иное, какъ *снимокъ* съ Дорического діалекта. Вотъ первая умственная эпоха Римскаго народнаго бытія, и она ознаменована благодѣяніями древней Эллады. Прошло семь столѣтій. Римская свобода подчинилась самодержавію Августа, и Греція снова внесла въ окровавленный Римъ свой неугасимый свѣтильникъ поэзіи, искусствъ и наукъ, — какъ бы желая утѣшить имъ завоевателей своихъ, среди ужасовъ душегубства, подъ игомъ триумвировъ. Безъ сего втораго благодѣянія и платы добромъ за зло, чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могло бы замѣнить для Римлянъ утрату свободы? Вслѣдъ за симъ вторымъ разсвѣтомъ ума на небосклонѣ суроваго Рима, занималась уже на дальнемъ, поработенномъ Востокъ другая лучшая заря Богопознанія и помилованія для Греціи, а чрезъ нее для Рима и всѣхъ поработенныхъ имъ племенъ земныхъ. Христіанская религія, въ златой и чудодѣйственной колыбели своей, дала Риму спасительные догматы, священные обряды, іерархію и уставы, облеченные Греческимъ словомъ и духомъ. До самыхъ временъ Папы Григорія Великаго, инако Двоеслова, чинъ богослуженія въ Римѣ былъ чисто-Греческій, чѣмъ доказывается всѣми церковными памятниками. Но и за это благодѣяніе, собственно - Божіе, которому Греція послужила орудіемъ, Христіанскій Римъ воздалъ Греціи зломъ и враждою, нестерпимымъ превозношеніемъ и наконецъ *разрывомъ* духовнаго единства. Папы, окруженные варварами и невѣждами, усвоивъ себѣ права Римской Имперіи, начали созидать себѣ и преемникамъ своимъ всемірный престолъ на земномъ основаніи. Бѣдственно продолжалась борьба между Востокомъ и Западомъ: Римъ устремился на Востокъ вслѣдъ за крестоносцами и вмѣстѣ съ ними сокрушилъ и Византійскій престолъ и Греческую Церковь. И что же? приливъ утихъ; мусульманская стихія снова покрыла мракомъ Гробъ Господень,

а Церковь наша оказалась живою въ плѣну иновѣрныхъ: какъ основанной на истинномъ камени, ей суждено было пережить обветшавшую Византійскую Имперію, неисцѣлимо-зараженную остатками Римскаго язычества. Она пала подъ съкирою Магомета II-го, и тогда же Греція, заботившаяся о сохраненіи послѣднихъ искръ изящества и наукъ, успѣшила передать свой залогъ Италіи: явилась чудная, такъ называемая *эпоха возрожденія*, около половины XV столѣтія. Таково послѣднее благодѣяніе Греціи, оказанное ею строптивой сестрѣ своей! Нѣтъ примѣра въ исторіи столь постоянному, долговѣчному соотношенію враждебныхъ странъ и народовъ, изъ коихъ одна всегда заимствуетъ, другая щедро дарить, — одна мститъ и посягаетъ, другая долготерпитъ и благодѣтельствуетъ.

Съ этою думою о временахъ давно-протекшихъ вѣхалъ я въ новый Римъ двумя днями ранѣ Латинской Пасхи. Мнимо-вѣрный градъ сей, который не можетъ хвалиться обѣтованіями выше и тверже тѣхъ, кои даны были Іерусалиму, — градъ сей, говорю, сначала представлялся мнѣ необъятнымъ и необозримымъ кладбищемъ, покрытымъ безчисленными гробами, по коему пресмыкаются стаи насѣкомыхъ, порожденныхъ тлѣніемъ. Христіанство, благотворною своею силою, многое воскресило, еще болѣе создало на этой устарѣлой и усталой почвѣ. — Столько уже начертано описаній Рима, что минутному гостю его трудно подмѣтить въ Римъ какую-нибудь нѣкъмъ незамѣченную сторону. Славно и дѣльно заключилъ блестящій рядъ описателей Рима нашъ почтенный соотечественникъ А. Н. Муравьевъ; его »Римскія Письма,« безъ сомнѣнія, въ рукахъ всѣхъ просвѣщенныхъ, мыслящихъ и вѣрующихъ читателей. Въ драгоценной книгѣ его они, конечно, узнали усерднаго поклонника Гроба Господня, искуснаго дѣписателя Христіанскаго Іерусалима отъ Апостольскихъ до нашихъ временъ. Не распространяясь здѣсь о златой цѣпи его твореній, щедро обогатившихъ нашу словесность въ продолженіе 12 лѣтъ, скажемъ только, что Римскія Письма Муравьева доставляютъ надежнѣйшее руководство каждому православному посѣтителю Рима. Главное достоинство ихъ состоитъ въ

томъ, что сочинитель прилежно и безпристрастно внималъ въ духъ и Христіанскіе обряды столицы католицизма; въ томъ, что его вниманіе не развлекается посторонними предметами, слѣдитъ Христіанскій Римъ сквозь мглу вѣковъ и только въ дополненіе картины обставляетъ ее воспоминаніями Рима языческаго и самыми удачными очерками вѣшней природы и мѣстъ. — Должно желать перевода Римскихъ Писемъ потому болѣе, что въ наше время, даже въ Италіи, большинство умовъ здравыхъ расположено къ Христіанскому миролюбію. Слѣдственно Римскія Письма появились въ-время, и внѣ Россіи будутъ оцѣнены съ нѣкоторою справедливостію.

Въѣзжая въ седмихолмную столицу, я, къ сожалѣнію, не имѣлъ руководителемъ для себя Муравьева; превосходное сочиненіе его прочелъ я не ранѣе возвращенія моего въ отечество. И такъ, опасаясь промаховъ въ подробностяхъ, я стану записывать одни общія впечатлѣнія мои о Римѣ. Огромное число огромныхъ церквей въ этомъ городѣ не приводитъ путника въ изумленіе; ибо онъ знаетъ, что здѣсь власть духовная и свѣтская соединяются въ одномъ державномъ старческомъ лицѣ. За то многоводіе Рима удивляетъ и радуетъ пріѣзжихъ: что площадь, что перекрестокъ, то фонтанъ; два водомета струятъ богатую влагу день и ночь передъ входомъ въ Базилику Св. Петра; площадь Навонская, подошва горы Пинчіо, причудливый водоемъ, именуемый *Треви*, и главное водохранилище за городомъ, называемое *Фонтаноне*, свидѣтельствуютъ о заботливости Римскихъ первосвященниковъ, которые всѣ въ продолженіе вѣковъ снабжали, не чаши, а потоками студеной воды жителей своей столицы. Симъ благороднымъ попеченіямъ особенно благопріятствовалъ горный хребетъ, которымъ обставленъ горизонтъ Рима. Къ тому жъ исполинскіе водопроводы древнихъ естественно возбуждали соревнованіе, такъ что теперь, съ уменьшеніемъ городского объема, одна только часть древле-проведенныхъ водъ достаточна для питанія въ каждомъ домѣ обильнаго источника, изъ коего лънявые жильцы черпаютъ воду, спуская съ оконъ, по блокамъ на цѣпяхъ, ведра, сами не трогаясь съ мѣста.

Весьма замѣтно, что Римъ, въ гражданскомъ быту своемъ далеко отставшій отъ прочихъ образованныхъ народовъ Европы, начинаетъ однакожь подходить подъ общій уровень пресловутой *цивилизациі*. И здѣсь мѣстные отбѣнки исчезаютъ; жители за-Тибрской стороны, которые еще недавно дышали стариной, рѣзко отличаясь правами и одеждой, мало-по-малу разстаются съ былою ихъ своеобразностію. Противъ всеуносящаго потока времени кто въ самомъ дѣлѣ устоитъ, когда и неподвижный іерархическій Римъ предастся его влеченію? Послѣ моего пребыванія въ Римѣ явился, какъ нарочно, на папской кафедрѣ Пій IX, по-видимому, предопредѣленный къ ускоренію движенія, устрашавшаго Григорія XVI. Какъ бы то ни было, бессознательное стремленіе современнаго намъ человѣчества къ *однообразію* обличаетъ неизслѣдимое намѣреніе и судьбы Вышняго. Провидѣніе Божіе приводило доселѣ народы міра къ цѣли высокой, недоумомай — посредствомъ борьбы силъ и рѣзкихъ противоположностей; точно такъ какъ мы, воспитывая дѣтей, употребляемъ главнымъ орудіемъ *сореvнованіе*. Теперь пришла пора, — и не то ли, можетъ быть, дѣлается съ человѣчествомъ, что бываетъ при наборѣ и составленіи многочисленной рати: воиновъ сперва одѣваютъ въ однообразный мундиръ, какъ первую оболочку и предзнаменованіе постепенно вселяемаго въ нихъ единства духа и стройныхъ движеній. Покамѣстъ еще мы не видимъ сего вождельнаго братолюбія и единства; Евангеліе и крестъ Христовъ, побѣждающіе наше зло *добромъ свыше*, медленно претворяютъ нашу поврежденную персть въ наслѣдіе и достояніе Божіе!....

Хотите ли, друзья мои, получить ясное понятіе о храмѣ-великанѣ Св. Петра, на помостъ коего горделиво отмѣчены размѣры прочихъ знаменитыхъ храмовъ Христіанскихъ подъ луною? Читайте «Римскія Письма» Муравьева. Ученый и благочестивый поклонникъ Св. мѣстъ проведетъ васъ по заламъ и портикамъ примыкающаго ко храму Ватиканскаго дворца, наполненнымъ изящными произведеніями древняго и новаго искусства. Хотите ли глубоко напечатлѣть въ памяти вашей Пантеонъ Агриппы

(нынѣ церковь всѣхъ святыхъ), Латеранскую Базилику, нагорное гульбище Монте-Пинчіо и Капитолійскій холмъ, — скажу опять — читайте Муравьева. Въ его письмахъ вы также найдете мастерское описаніе Колизея, т. е. амфитеатра на 60,000 зрителей, посреди коего, для потѣхи царственного народа, сражались гладіаторы, представлялись морскія битвы, неистовствовали хороводы и лицедѣи, а свидѣтели небесной истины — Св. мученики проливали кровь свою подъ когтями и въ челюстяхъ разъяренныхъ дикихъ звѣрей. На срединѣ губительной арены водруженъ простой деревянный крестъ, возвыщающій безъ словъ побѣду вѣры надъ міромъ. Ни одинъ изъ древнихъ памятниковъ Рима столько не взволновалъ и не умилилъ души моей: я прослезился, и всѣ воспоминанія роковой борьбы язычества съ Христіанствомъ воскресли во мнѣ. Я вспомнилъ Игнатія Богоносца и безчисленные сонмы его подражателей, и всѣ ужасающіе признаки глубокаго паденія челоуѣчества, даже самаго просвѣщеннаго, но преданнаго, какъ говоритъ Ап. Павелъ, *въ неискусенъ умъ*. Между тѣмъ, какъ упоенные кровію, властители міра наслаждались здѣсь утонченнымъ душегубствомъ, — на этой самой почвѣ, подъ ногами кровожадной толпы, въ неведомыхъ каменоломняхъ скрывались ученики Христовы, молились, плакали, внимали Слову Божию, и въ разсылинахъ погребали отстрадавшихъ братій и отцовъ своихъ! Однимъ словомъ: въ катакомбахъ работало вѣчное Христіанство, подобно тѣмъ потаеннымъ въ утробѣ земной источникамъ, отъ вліянія коихъ мало-по-малу оживаетъ и одѣвается свѣжею зеленью мрачное лицо пустынь. Изъ множества катакомбъ, которыми подрѣтъ древній Римъ, мы посѣтили одну, называемую Св. Агнесы, и провели въ ней съ лишнимъ два часа. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она служила убѣжищемъ гонимымъ Христіанамъ, а не Іудеямъ; ибо живописныя изображенія на стѣнахъ *добраго пастыря*, Пророка Іоны и ликъ Пресвятой Богородицы съ младенцемъ Іисусомъ, доказываютъ сію истину. Чтò только обрѣтено подвижнаго въ катакомбахъ, все то перенесено въ хранилища Ватиканскія; даже во впадинахъ подземелья нѣтъ

уже мертвецовъ , а встрѣчаются кое-гдѣ остатки костей и полупустѣвшихъ савановъ.

Отъ превосходнаго освѣщенія снаружи храма Св. Петра въ день Пасхи и отъ потѣшныхъ огней замка Сантъ-Анджело , мы переходили къ священно-дѣйствіямъ страстной седмицы, совершавшимся въ церкви нашего посольства. Туда стекались всѣ Русскіе на зовъ радушнаго хозяина, А. И. Б., подававшаго намъ примѣръ благоговѣнія къ святынямъ. Въ пасхальную ночь , на разсвѣтъ, онъ роскошно угостилъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ подъ царственною сѣнью Россійскаго орла.

Въ Римѣ богоугодныхъ заведеній чрезвычайное множество, и это неоспоримо лучшая , въ прямомъ смыслѣ Христіанская сторона Папской столицы. Онѣ-то примиряютъ странника съ роскошью и гордынею кардинальскаго собора, и вселяютъ снисхожденіе къ страннымъ обычаямъ и затѣямъ Римскаго Двора, и вмѣстѣ доказываютъ, древностію нѣкоторыхъ учреждений, что Христіанство далеко опередило вымыслы современной филантропіи, пеклось о бѣдныхъ и призирало уничиженныхъ міра сего еще въ то время, когда въ Европѣ и помину не было о нашихъ благотворительныхъ сословіяхъ.

Римъ, какъ родная почва изящныхъ искусствъ, представляетъ путешественникамъ богатую жатву свѣдѣній и неизсякающій источникъ чистыхъ наслажденій. Хотя археологія и художественный смыслъ имѣютъ также своего рода суевѣріе, питаются догадками и часто благоговѣютъ предъ кумирами древности мнимой и ничѣмъ недоказанной, однако и затѣмъ довольно пищи для ума и воображенія посѣтителей. Ватиканское книгохранилище и лучшія произведенія ваянія и живописи, которымъ довелось, по мановенію Наполеона, переселиться въ Парижъ, а потомъ, съ паденіемъ его, возвратиться въ гнѣздо свое родное, — все это обозрѣвалъ я бѣглымъ взоромъ, отвлекаемый отъ созерцанія настоящаго воспоминаніями о быломъ. Ибо въ 1815 году, находясь при побѣдоносной главной квартирѣ Александра I-го, я познакомился въ Луврѣ съ этими плѣнными богами и чудными произведеніями

кисти Христіанской. Тогда, въ пестрой, разноцвѣтной толпѣ воиновъ всей Европы, весьма часто любовался я картиною Преображенія Господня, Пріобщеніемъ Бл. Иеронима и многообразными ликами Пресвятой Дѣвы, въ которыхъ дышетъ творческое вдохновеніе Рафаэля. — Здѣсь встрѣтилъ я старыхъ знакомцевъ, нѣмыхъ свидѣтелей превратностей всего земнаго, Аполлона Бельведерскаго, Антиноя и дышащую умиленіемъ и ужасами группу Лаокоона. Не то я видѣлъ, на чтѣ глядѣлъ: дума уносила усталого путника на ратное поле той роковой борьбы, которая рѣшила судьбу Европы и человѣчества новымъ водруженіемъ креста на лобномъ мѣстѣ (*). Впрочемъ, изучая искусство въ Ватиканѣ, Капitolin и другихъ сокровищницахъ Рима, нельзя безусловно поклоняться вымысламъ художниковъ, даже самыхъ даровитыхъ. Не рѣдко кистию ихъ водило ласкательство и челоуѣкоугодіе; отсюда нелѣпая смѣсь священнаго съ мірскимъ, изящнаго съ уродливымъ, благочестиваго вдохновенія съ странными затѣями своевольной кисти. Однакожъ, не смотря на всѣ эти недостатки чистоты въ *идеалѣ*, или вкуса и мѣткости въ *подражаніи*, — надобно признаться, что для любителей изящнаго — Флоренціи и Рима станетъ на всю жизнь, Во Флоренціи: Медицейская Венера и группа Ніобы, лучшія картины различныхъ Итальянскихъ школъ въ огромномъ дворцѣ Питти, возвышающемся надъ прелестными окрестностями города; а въ Римѣ, державномъ Римѣ, сомкнутые ряды вѣковъ, золотой прахъ столѣтій, памятники всѣхъ эпохъ Римскаго владычества и Христіанскаго лѣтосчисленія щедро, неисчерпаемо надѣляютъ путника впечатлѣніями и познаніями. Пока, недавно вышедшая изъ плѣна, современная Эллада не воскреснетъ вполне для художественной жизни, изъ нея же истекшей, — до тѣхъ поръ, осчастливленная наслѣдствомъ ея, Италія останется надолго храмомъ искусствъ, магнитомъ творческаго духа, влекущимъ къ себѣ всѣхъ поклонниковъ изящнаго, всѣхъ, говорю, безъ исключенія, потому что и пейзажистъ нахо-

(*) Т. е. на Парижской революціонной (place de la révolution) площади, которая была мѣстомъ казни Людовика XVI.

дять въ Италіи нерукотворенныя красоты неба и горъ, и морскихъ береговъ, плѣняющихъ воображеніе.

Объ окрестностяхъ Римскихъ и загородныхъ дворцахъ распространяться не стану, чтобы давно извѣстнаго не повторять или не описывать наобумъ того, что не успѣлъ обозрѣть лично. — Пятнадцать дней прошло подобно тревожному, но дивному сну, и мы разстались съ столицею Западной Церкви. Кто желаетъ подробныхъ свѣдѣній о замѣчательныхъ людяхъ въ Римѣ, тотъ пусть развернетъ Письма Муравьева и насладится въ нихъ живою характеристиккою кардиналовъ Микара и Меццофанти, аббата Жербе и многихъ другихъ, почему бы то ни было знатныхъ особъ. — Народъ Римскій радушно принимаетъ иностранцевъ и менѣе сребролюбивъ, нежели сосѣди его Тосканцы. Въ устахъ его Итальянскій языкъ выказываетъ вполне благозвучіе и пріятность, ему свойственныя. Римляне справедливо гордятся своимъ прошедшимъ, не довольны настоящимъ, а въ будущемъ алкаютъ переменъ въ быту гражданскомъ и политическомъ. Но они терпѣливѣе прочихъ жителей Папскихъ владѣній, потому что видъ Рима дурное и дряхлое управленіе угнетаетъ подданныхъ тиары; тогда какъ въ самомъ Римѣ пышность Римскаго Двора, непрерывный приливъ иноземцевъ и блестящее очарованіе искусствъ заглушаютъ, такъ сказать, голосъ ропота богатымъ насущнымъ хлѣбомъ. Питаясь старыми злоупотребленіями и данью чужихъ земель, граждане Рима потому самому молчать, хотя власть прелатовъ и церковное превозношеніе имъ не нравятся. Еще одна черта: лицемеріе въ Римѣ по необходимости у себя дома, и едва ли возможно строго судить о немъ, потому что смѣсь мірскаго съ духовнымъ и вещественныхъ выгодъ съ образомъ благочестія естественно происходитъ изъ кореннаго, древняго сочетанія въ Римѣ обѣихъ властей, т. е. жезла папырскаго съ царственнымъ скипетромъ. Здѣсь не новый Озіа незаконно кадитъ передъ кивотомъ Господнимъ, за что выступаетъ проказа на чель его: нтъ, — здѣсь наоборотъ преемственное первосвященство препоясавъ мечемъ земнымъ, обременено судомъ и

расправую, утопаетъ въ стихіяхъ житейскихъ заботъ до такой степени, что лучшіе изъ Папъ, не смотря на воздаваемую имъ почти божескую честь, въ самомъ дѣлѣ порабощены то кардиналамъ своимъ, то вліянію министровъ иностранныхъ державъ. Не знаемъ; что будетъ съ новымъ Папою Піемъ IX-мъ; но примѣръ добродѣтельнаго Льва XII, котораго замучила Римская аристократія и Римская чернь, — этотъ примѣръ, говорю, весьма поучителенъ и грозенъ. Левъ XII поднималъ было руку на злоупотребленія, стремился къ добру, всемерно вводилъ благоустройство; но мало успѣлъ въ своихъ предначертаніяхъ: злоупотребленія пережили его и, подобно Египетскимъ чудовищамъ, опять усьлись на безвременной его могилѣ (*)!

Мы возвратились въ Пизу сухимъ путемъ, пролегающимъ чрезъ старинный городъ Сіенну. Въ немъ мы застали праздничный день какого-то святаго, народное торжество, пестрыя, разнообразныя процессіи въ одеждахъ XIV вѣка и какъ бы огромный прибой несмѣтной толпы къ стѣнамъ красиваго соборнаго храма, изумляющаго своего причудливою архитектурою, почти единственною въ цѣлой Италіи. Отдохнувъ нѣсколько дней въ знакомой намъ Пизѣ, мы наконецъ собрались въ обратный путь, и снова обратили взоры въ синюю даль, къ звѣздѣ Сѣвера.

(*) Левъ XII-й, непосредственный предшественникъ Григорія XVI, краткое свое первосвятительство ознаменовалъ давно невиданною на Римскомъ престолѣ дѣятельностію въ искорененіи злоупотребленій. За то возненавидѣла его Римская чернь, разумѣется, по наущенію скрытыхъ враговъ его, но до такой степени, что какъ скоро разнеслась вѣсть о его кончинѣ (въ 1827 году), народъ бросился ломать рѣшетки въ питейныхъ домахъ, понося усопшаго. Эти неистовые порывы безумной, неблагодарной толпы возобновились въ самый день его торжественнаго погребенія. Вотъ каково прикасаться неосторожно, хотя и благонамѣренно, къ ветхому человѣку, общественному и личному! Въ народахъ онъ бываетъ столько же золъ и непримиримъ, сколько въ частной, домашней жизни.

V.

Обратный путь грезъ Геную, Миланъ и Тиролю въ Вьну.

Намъ очень хотѣлось медленно и безъ всякой поспѣшности обозрѣть прелестные берега Генуезскаго Залива, гдѣ, между моремъ и оплотомъ живописныхъ горъ, цвѣтутъ померанцовыя и лавровыя рощи, красуются между утесами миловидныя селенія и города, гдѣ все дышетъ изобиліемъ и нѣгою, по излучистой каймѣ свѣтлоголубаго Средиземнаго Моря. Въ другой разъ представились намъ рыцарскій городокъ Масса и сокровищница ваянія, Каррара. Съ глубокаго нѣдра этихъ лѣсистыхъ горъ добываютъ лучший мраморъ, который отчасти замѣняетъ славившійся въ древности Паросскій. Здѣсь заготавливаются пышныя гробницы для будущихъ мертвецовъ цѣлой Европы; отсюда вывозятъ первое вещество, необходимое для искусственныхъ произведеній. Мнѣ самому довелось здѣсь заказывать мраморныя лики 12-ти Апостоловъ, которыми украсилась снаружи церковь, сооруженная мною на пустынномъ берегу Эвксинскаго Понта. — Заливъ Спеція поразилъ насъ красотою береговъ своихъ и необъятнымъ пространствомъ пристани, которая не уступаетъ Севастопольской. Преимущества сего залива въ торговомъ отношеніи не укрылись отъ прозорливости Наполеона: онъ замышлялъ устроить въ этомъ мѣстѣ исполинскій портовый городъ, но не успѣлъ выполнить своего намѣренія. Рыболовы остались по-прежнему жителями этого прекраснѣйшаго уголка Сардинскихъ владѣній. Сарзанну мы уже знали; Кіавари — небольшой, но промышленный городокъ, отменно намъ понравился. Переночевавъ въ немъ какъ нельзя лучше и уютнѣе, мы на слѣдующій день въѣхали, или точнѣе сказать, спустились въ великолѣпный амфитеатръ Генуи. Не напрасно Итальянцы прозвали Геную *пышною*, такъ какъ Римъ *святымъ*, Венецію *благородною*, Миланъ *великимъ*, Болонію *тучною*, а Неаполь *прелестнымъ*. Не видавъ Неаполя, я безусловно удивляюсь

красотѣ и величію Генуи. Пристань ея превосходна; входъ ея обозначенъ двумя свѣтящимися по ночамъ маяками. Дворцы вельможъ гордой республики, среди роскошной зелени садовъ, уступами возвышаются до нагорнаго полукружія, которое совмѣщаетъ весь городъ. Гранитовая набережная и множество изящныхъ церквей, ужъ болѣе не плѣняющихъ вниманіе путника послѣ Рима, кипящая дѣятельность торговли, пережившей политическую знаменитость Генуезцевъ, — все это заслуживаетъ подробнаго описанія. Воспоминанія объ Андрѣ Доріи, Фіескѣ и Христофорѣ Колумбѣ сливаются здѣсь съ свѣжею памятью о Наполеонѣ, который въ устахъ народа еще живъ. Истинно-великому Колумбу, наперснику чистѣйшей славы, неразтворенной слезами человечества, Генуезцы наконецъ собираются воздвигнуть памятникъ (*). Объ этомъ намѣреніи, чуть ли неопоздаломъ, рассказывалъ намъ нынѣшній генераль-губернаторъ Генуезской области, Маркизь Паулуччи. Невыразимо пріятно было сему остроумному старцу и мнѣ встрѣтить другъ друга на берегахъ Моря Средиземнаго, послѣ послѣдняго нашего свиданія на берегахъ Балтійскаго. Съ тѣхъ поръ протекло болѣе 25 лѣтъ тревожныхъ, роковыхъ, измѣнившихъ лице Европы и вселенной. Въ царствованіе Александра I-го, Маркизь служилъ Россіи съ честію для себя, съ пользою для государства. Свѣтлымъ умомъ и твердою рукою управлялъ онъ тогда Остзейскими нашими губерніями; былъ главнымъ исполнителемъ отеческихъ намѣреній Императора, клонившихся къ улучшенію судьбы тамошнихъ Латышскихъ крестьянъ; предводительствоваъ войскомъ на Кав-

(*) И подлинно, въ новѣйшихъ вѣдомостяхъ я прочелъ извѣстіе о переговорахъ Сардинскаго Двора съ Испанскимъ касательно возвращенія городу Генуи останковъ великаго ея гражданина Колумба, которые нынѣ изъ Севильи, мѣста его кончины, перевезены на островъ Кубу и тамъ покоятся въ виду открытаго имъ материка Америки. Не вѣдѣю, можетъ быть, извѣстно, что геній Колумба, окрыляемый вѣрою, стремился къ расширенію вселенной не изъ одной любознательности. Мысль и сердце его заняты были чаемымъ водвореніемъ на землѣ новаго царства Христова.

казѣ, и дѣйствовалъ съ отдѣльнымъ отрядомъ въ народную войну 1812 года. Взысканный милостіями и довѣріемъ Александра, Паулуччи свято хранить заветъ преданности и благоговѣнія къ памяти его. Русскихъ, пріѣзжающихъ въ Геную, онъ принимаетъ какъ дорогихъ гостей, какъ родныхъ. Лишь только вошелъ я къ нему въ комнату, Маркизъ, одержимый подагрой, всталъ со стула и молча указалъ мнѣ на ликъ Александра I-го, висѣвшій надъ его рабочимъ столомъ. Завязалась между нами сердечная бесѣда, приправленная разсказами о быломъ, — отъ избытка сердца изливалась дружеская рѣчь, которая меня утѣшала и радовала. Я не могъ надивиться вѣчно-юному уму и воображенію старца: они теплились и сіяли въ дряхлѣющемъ тѣлѣ, словно священный огонь въ стѣнахъ полуразрушеннаго храма!

Маркизъ не зналъ, чѣмъ лучше и угостить и потѣшить насъ въ Генуи; то предлагалъ намъ свою ложу въ новомъ изящнѣйшемъ театрѣ *Карло-Феличе*; то звалъ насъ къ себѣ на обѣдъ, знакомя путешественниковъ съ лучшимъ обществомъ Генуезскимъ; то показывалъ намъ достопамятности Дожскаго дворца, имъ теперъ занимаемаго. Меньшаго своего сына онъ предназначилъ на службу Россіи, старшаго оставляетъ при себѣ, дочь выдалъ замужъ за Тосканскаго Маркиза Торреджіани; самъ, переживъ молодую супругу свою, уроженку южной Россіи, онъ сохраняетъ въ сановитомъ своемъ одиночествѣ всю дѣятельность опытнаго государственнаго чловѣка. Несообразности и противорѣчія системъ управленія Итальянскихъ и другихъ Европейскихъ державъ никакъ не могутъ укрыться отъ его проницательности и маститаго безстрастія. Бесѣдуя съ нимъ, я получилъ разгадку многихъ моихъ недоумѣній и еще болѣе убѣдился въ той печальной истинѣ, что политическія запутанности не столько зависятъ отъ натуры вещей, сколько отъ личной строптивости характеровъ. За столомъ у Маркиза Паулуччи я имѣлъ случай разговаривать со многими образованными Пьемонтцами, которые особенно отличаются какимъ-то удачнымъ сочетаніемъ Французскаго ума съ Итальянскимъ; я узнавалъ отъ нихъ о судьбѣ многихъ храбрыхъ Пьемонтскихъ

офицеровъ, нѣкогда служившихъ въ Россіи и сходившихся со мною въ Петербургскихъ гостиныхъ. Изъ рѣчей и сужденій этихъ господъ не трудно было догадаться, что исключительное преобладаніе іезуитовъ въ Сардинскихъ владѣніяхъ имъ очень не нравилось. Не смотря на такое отвращеніе мыслящихъ людей, чада Лойолы тамъ въ большой силѣ, усвоили себѣ воспитаніе юношества и, кажется, „угодны Туринскому Двору“, хотя ему приписываютъ наклонность къ партіи собственно-Итальянской.

Не безъ сожалѣнія разстались мы съ Генуей, облаканные ея начальникомъ, восхищенные красотою мѣстъ и великолѣпіемъ зданій, напоминающихъ цвѣтуція времена гордой республики, неукротимой соперницы Венеціи и Пизы. Путь нашъ лежалъ чрезъ Нови и Павію въ Миланъ, Миланъ въ прямомъ смыслѣ *великій*, столичный городъ Ломбардіи, который не уступаетъ въ роскоши и красотѣ ни одной изъ главныхъ столицъ Западной Европы.

Въ Павіи мимоѣздомъ заглянули мы въ огромное зданіе тамошняго Университета и вспомнили о знаменитомъ врачѣ и другѣ челоѣчества — Тиссотѣ, который, въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, два года сряду преподавалъ здѣсь врачебную науку. Вслѣдъ за нимъ, на той же кафедрѣ появился славный докторъ Петръ Франкъ, которому суждено было на старости лѣтъ побывать въ Россіи и обозначить собою новую эпоху въ развитіи и улучшеніи Русской медицины.

Миланъ поразилъ насъ своею красотою, соразмѣрностію и величіемъ; благосостояніе жителей кидается въ глаза; наряды женскаго пола и даже самыхъ прислужницъ обличаютъ средоточіе самаго цвѣтущаго шелководства. И подлинно, въ плодоносныхъ, искусственно-орошенныхъ равнинахъ Ломбардіи вездѣ шелковица и лоза виноградная однообразно ополсываютъ нивы земледѣльцевъ, обрабатываемыя по системѣ плодоперемѣнной. Здѣсь нѣтъ роздыха матери нашей землѣ: сорочинское пшено, зерновой хлѣбъ, огородныя овощи и виноградъ смѣняются и тѣснятся на неутомимой почвѣ. И такъ не удивительно, что Миланъ, куда стекаются всѣ эти естественныя богатства, самъ богаче и роскошнѣе прочихъ городовъ Италіи.

Милану приличествуетъ названіе, какое Омръ даетъ весьма часто знатнымъ городамъ его времени : сосець земли (*ὁὐθαρ ἀρβυρς*). Однако, не напрасно древніе означали эту часть Италіи именемъ Галліи за-Альпійской; ибо Итальянская стихія слабѣетъ; языкъ измѣняется; жители Милана говорятъ между собою нарѣчіемъ невразумительнымъ для пріѣзжаго и букву и произносятъ какъ ю, по-Французски. Кромѣ высшей Ломбардской аристократіи, всѣ прочіе разряды жителей свыкаются съ образомъ правленія Австрійскимъ. Нынѣшній Архіепископъ Миланскій рѣшительно воспрещаетъ іезуитамъ постоянныя водворенія въ его епархіальномъ городѣ. Дивный Миланскій соборъ, заложенный нѣсколько вѣковъ тому назадъ, по обѣту Миланскаго Герцога, осчастливленнаго рожденіемъ сына, и теперь, — не смотря на всѣ усилія Наполеона, — еще не отдѣланъ совершенно. Впрочемъ это участь исполнскихъ готическихъ базиликъ Запада: ни одна изъ нихъ не достроена. За то войдите подъ своды чуднаго зданія, Богу посвященнаго, и васъ поразитъ невыразимое удивленіе, вопреки воспоминаніямъ о соборѣ Св. Петра. Лицевая сторона храма, всецѣло-мраморнаго, съ 6-ю смѣлыми, въ синевѣ небесъ теряющимися, башнями, изумляетъ зрителя и приковываетъ его къ землѣ на почтительномъ разстояніи. А внутри церкви память Св. Амвросія Медіоланскаго согрѣваетъ и умиляетъ душу тѣмъ сильнѣе, что богослуженіе рѣзко отличается отъ обычныхъ Латинскихъ обрядовъ и отзывается Востокомъ. — А съ вершины священнаго зданія, взобравшись туда по лѣстницѣ въ 5 ступеней, посѣтитель обхватываетъ взоромъ своимъ необозримыя, богатыя равнины Ламбардіи; иногда же, въ самую ясную погоду, различаетъ вдали вѣчные, туманные хребты Альпійскихъ Горъ.

Кромѣ соборной церкви, очень замѣчательна въ Миланѣ другая, древняя, въ Византійскомъ вкусѣ церковь, съ широкимъ преддверіемъ и притворомъ вокругъ, куда, по преданію, Св. Амвросій уходилъ отъ шума и крамоль тревожной Миланской черни. Здѣсь врата, ходы, сѣдалища, даже самые замки дверей отзываются глубокою

древностию и носятъ на себѣ печать многихъ вѣковъ. Входя въ смиренное сіе святилище, напитанное, такъ сказать, и благоухающее молитвою, мы застали въ немъ одинокій гробъ и тѣло бѣднаго ремесленника, отпѣваемого въ полголоса Латинскимъ монахомъ. Присно-живое слово Евангельское, казалось, парило и раздавалось въ ветхомъ храмѣ надъ разрушающеюся землею храниною чловѣка, способнаго умомъ своимъ созидать вѣковыя стѣны сн, переживающія его самого.

Мы любовались еще въ Миланѣ триумфальными вратами, извѣстными подъ названіемъ *Arco della pace*; заложенные Наполеономъ, они окончены ко дню торжественнаго въѣзда въ Миланъ и вѣнчанія желѣзного короною Лонгобардскою нѣпѣшняго Императора Фердинанда. Эту желѣзную корону хранятъ въ Монцѣ, въ тамошней приходской церкви. — Отъ арки перешли мы къ такъ называемой аренѣ, или необъятному ристалищу, обставленному галлереями для зрителей. Бережливое Австрійское правительство предоставляетъ произволу Миланцевъ устроить, посредствомъ сбора, игрища, ристанія и бои въ этой оградѣ для увеселеній народныхъ. Впрочемъ Миланцы обходятся и безъ нихъ, не тратя на прихоти своихъ денегъ; они довольствуются прелестнымъ гуляньемъ по главной улицѣ *Corso* и по неизмѣримымъ бульварамъ, платанами обсаженнымъ и опоясывающимъ весь исполинскій городъ. Тамъ въ праздничные дни бываетъ выставка прекраснѣйшихъ цвѣтовъ; на каждомъ шагу встрѣчаютъ васъ изобиліе и роскошь.

Руководимые скромнымъ и истиннымъ художникомъ, профессоромъ Бертини, мы обозрѣли Миланскую Академію Наукъ и Художествъ, именуемую Брера, нѣкогда бывшую монастыремъ іезуитовъ. Пресыщенное красотами Рима, око путешественника встрѣчаетъ, однакожь, и здѣсь плѣнительныя картины; Академія славится классическимъ вкусомъ и строгостию преподаванія. Каждый годъ выпускаются изъ нея художественные ставленники для столицы художествъ, т. е. Рима. Тамъ-то наперсникъ искусствъ, прибывши изъ Милана, братается съ молодымъ художникомъ береговъ Певы, съ Германцемъ и Францу-

зомъ. При мнѣ сынъ профессора Бертини выдерживалъ въ запертой галлерей Миланской Академіи послѣднее роковое испытаніе, по коему долженствовалъ выпасть ему или минутъ его завидный жребій — быть послану въ Римъ пансіонеромъ Академіи. Въжливый Бертини водилъ насъ по музею, между тѣмъ какъ отеческое сердце билось у него не совсѣмъ спокойно. Мы узнали въ послѣдствіи, что даровитый сынъ его, обработавъ въ одинъ день заданную ему композицію, одержалъ верхъ надъ своими соперниками, — изящно нарисовавъ героическую фигуру Одиссея, котораго, подъ рубищемъ нищеты, узнаетъ старая кормилица, умывавшая страннику ноги. Нельзя было мнѣ не принимать сердечнаго участія въ надеждахъ и опасеніяхъ нѣжнаго отца; ибо я обязанъ былъ ему огромною иконою на стеклѣ, написанною имъ по заказу и представляющею Воскресеніе Христово; она-то украшаетъ теперь кладбищенскую церковь Воскресенія, воздвигнутую близъ Одессы, на крутомъ берегу Чернаго Моря (*). Мастерская Бертини чрезвычайно занимательна: чего не увидишь въ ней! Сколько изящныхъ на-стекольныхъ картинъ, готовыхъ умчаться по заказу въ страны дальнія! Сколько между ними такихъ, которые, не выдержавъ дѣйствія Проміеяева огня въ нарочно устроенной для сего печи, остаются у художника навсегда, какъ несбывшіяся надежды! За то картины уцѣлѣвшія и закаленные огнемъ отличаются блескомъ и неизгладимостію красокъ. Тайну эту, древнимъ извѣстную, Бертини удачно разгадалъ, и съ тѣхъ поръ исключительно посвятилъ свою волшебную кисть произведеніямъ этого рода.

Скажемъ еще для любителей садоводства, что въ Миланѣ и окрестностяхъ его цвѣтутъ и благоденствуютъ огромные питомники деревъ и цвѣтовъ, откуда самыя рѣдкія растенія разсылаются охотникамъ изъ края въ край Европы.

Мы вышли изъ Милана, и въ тотъ же день очутились при закатѣ солнца на очаровательныхъ берегахъ

(*) См. Одесскій Вѣстникъ 1846 г. N 63, ст.: „Освященіе въ Одессѣ новаго храма Воскр. Христова.“

Комскаго Озера. Они напрасно манили насъ къ себѣ и рисовались предъ нами, какъ дивныя очерки земли обитованной: ненастная погода, а на другой день сильная гроза, застигнувшая насъ, на легкомъ челнокѣ, среди водъ темносинихъ, — все казалось въ заговорѣ противъ нашего любопытства. Виллы, одна другой милѣе и лучше, красовались предъ нами; но погода мѣшала насладиться красотой береговъ, на которыхъ пріотислось столько людей разноплеменныхъ. Ученые, врачи, иппохондрики, рядомъ съ ними разбѣнчанныя знаменитости Итальянскаго театра, наперерывъ устроили себѣ жилища въ этой благословенной странѣ, если не ошибаюсь — родинѣ Римскаго поэта Катулла, гдѣ и теперь многіе и многіе отживаютъ свой вѣкъ подъ защитой сосѣднихъ Альпъ, напрасно мечтая обрѣсти внутренній, душевный покой на узорчатомъ возглавіи вишнихъ впечатлѣній! — Пароходъ почти ежедневно отплываетъ изъ Комской пристани, быстрымъ бѣгомъ пересѣкаетъ въ длину райское озеро, причаливаетъ къ берегамъ лучшихъ усадебъ, и потомъ возвращается на ночь въ Комо. Но мы не воспользовались имъ, потому что подернутые туманомъ, живописные виды почти совершенно скрывались отъ нашего любопытства. И такъ, не дождавшись ясной погоды, мы продолжали путь свой къ озеру Гарда, болѣе суровому, обставленному со всѣхъ сторонъ громадами навислыхъ скалъ. Бушевалъ холодный вѣтеръ; пароходъ уже дымился въ ожиданіи путешественниковъ; мы отчалили отъ Итальянскаго берега и, проплывъ четыре часа, бросили якорь у береговъ Тироля.

Скрылась изъ нашихъ глазъ Италія, но изъ памяти нашей она не скоро изгладится. Авзонія, первородная дочь Эллады, преемница ея въ области наукъ и искусствъ, нѣкогда средоточіе всемірной державы Римской, а донинѣ столица папскаго духовнаго владычества, — Италія, куда чрезъ столько вѣковъ Германскіе вѣнценосцы ходили войною для полученія Императорской короны при гробѣ Апостола Петра, — эта страна, воспоминаніями столь богатая, но бѣдная надеждами, достойна того, чтобы мыслящіе странники прощались съ нею не безъ умиленія:

Русскимъ въ особенности Италія должна быть памятна и любезна потому, что едва ли изъ всѣхъ народовъ Западной Европы не Итальянцы всѣхъ прочихъ дружелюбнѣе расположены къ Россіи. Они пріѣзжаютъ къ намъ безъ соперничества и предубѣждений, съ уваженіемъ къ величію Россіи, но безъ зависти. Языкъ нашъ Итальянцы изучаютъ скорѣе и лучше прочихъ Европейцевъ (*), и не завидуя, разумеется, нашему климату, высоко цѣнятъ наше гостепріимство. Неоспоримое старшинство Итальянцевъ на поприщѣ новѣйшей гражданственности и просвѣщенія придаетъ имъ въ обращеніи съ туземцами какой-то особенный характеръ здравомыслія и маститой опытности. Они по природѣ вѣжливы, даже радушны, вспыльчивы, но не злы. Въ простомъ народѣ въ Италіи замѣтна простодушная вѣра безъ примѣси враждебныхъ чувствъ и Французскаго стремленія къ преобладанію. Ультрамонтанство, т. е. ревность не по разуму къ папскому самодержавію — рѣдкое явленіе въ народѣ; исключительность эта и нетерпимость гнѣздятся развѣ только въ головахъ высшаго слоя общества, извлекающаго пользу изъ духовной аристократіи. Большинство же Итальянцевъ всѣхъ состояній потому только въ наше время дорожить еще могуществомъ Римскаго престола, что видятъ въ немъ залогъ политическаго единства разъединенной Италіи. А сіе самое разъединеніе, не доставляя никакой пищи гордости народной, заставляетъ ее искать себѣ отрады въ области изящныхъ искусствъ, т. е. въ общемъ, мирномъ и недѣлимомъ достоинствѣ всего человѣчества. Вотъ почему славолубіе Итальянцевъ не оскорбительно и никогда не простирается до глупаго пренебреженія прочихъ племенъ земныхъ. Конечно, отъ Палермо до Турина, путешествен-

(*) На своемъ вѣку я видѣлъ примѣръ этой воспріимчивости Итальянцевъ, довольно замѣчательный. Служившій при Императорѣ Александрѣ I-мъ, въ Генеральномъ Штабѣ, благородный Ломбардецъ, полковникъ де-Романо менѣе чѣмъ въ 6 лѣтъ успѣлъ такъ хорошо выучиться Русскому языку, что написалъ на немъ и издалъ стратегическое сочиненіе подъ названіемъ: *Главныя основанія военачальнической науки*. Оно, вѣроятно, забыто въ лѣтописяхъ нашей библіографіи.

никъ встрѣтитъ въ Италіи безчисленные, неумовимые отъѣздки, живые слѣды раздробленія Среднихъ Вѣковъ. То, о чемъ сѣтуютъ Итальянскіе патріоты, составляетъ главное наслажденіе пріѣзжаго гостя. Шагните чрезъ Альпійскія Горы, и многосложная Германія представитъ вашему вниманію ту же пестроту, то же, что въ Италіи, разнообразіе нравовъ, обычаевъ, звуковъ и предразсудковъ мѣстныхъ. Опять горе для туземцевъ, а пріѣзжимъ утѣха — дивное зрѣлище состязанія и развитія умственныхъ силъ. Потому-то несравненно скучнѣе и безцвѣтнѣе бываетъ путешествіе по Франціи и Англіи, гдѣ стройное, но сжатое въ одну форму, политическое тѣло показываетъ вамъ въ своей столицѣ уродливую, отъ прилива всѣхъ жизненныхъ соковъ непомѣрно-разросшуюся голову.

Весенніе майскіе дни встрѣтили насъ въ долинахъ Тироля; снѣжныя вершины горъ по обѣимъ сторонамъ дороги ярко сіяли въ синевѣ небесъ и придавали свѣжей зелени овраговъ и ущелій невыразимую прелесть. Страна эта прекрасна и послѣ Швейцаріи; туземный народъ живъ, уменъ, предприимчивъ; а женщины пріятны собою и миловиднымъ своимъ нарядомъ. Старинный городъ Тріентъ, столица Итальянской половины Тироля, — славное воспоминаніе о Тридентинскомъ послѣднемъ Соборѣ Западной Церкви, — чуть было не отказалъ намъ въ пріютѣ и ночлегѣ. Ибо въ стѣнахъ его изволила остановиться Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, на обратномъ пути Ея Величества въ Россію. Городакъ кипѣлъ знатно и народомъ. Австрійскіе вельможи суетились, желая преодолѣть трудности путешествія, вдругъ остановленнаго широкимъ разлитіемъ рѣки Адижи. Этотъ причудливый, излучистый потокъ, вытекающій изъ отвѣсистой скалы, мчится разгуломъ по крутизнамъ Бреннера, попеременно шумитъ и клокочетъ сребристою пѣною, или вѣется прозрачною струей по тѣнистымъ долинамъ. Во всякое время года, лишь только одна дождевая туча разразится въ горахъ, вода поднимается въ притокахъ Адижи, и вдругъ тихая рѣка чрезъ нѣсколько часовъ дѣлается моремъ, потопляетъ почтовую дорогу и пресѣкаетъ всякое сообщеніе. Вотъ что случилось въ на-

шихъ глазахъ; три дня сряду прѣзда не было, доколь сокровища водныя не истощились. Но и тогда не иначе можно было продолжать путь, какъ на лодкахъ, отправивъ дорожныя кареты въ бродъ, не безъ труда и нѣкоторой опасности. Теченіе Аджи представляло намъ образъ жизни человѣческой, то возмущаемой сердечными тревогами, то опять утихающей по мановенію небесъ, и то и другое по вліянію причинъ таинственныхъ и отдаленныхъ. По слѣдамъ поѣзда царственного, мы наконецъ доѣхали до Инспрука, главнаго города Нѣмецкаго Тироля. Здѣсь замокъ послѣдній музыкальный отголосокъ Итальянскаго языка и затрепало суровое, жесткое нарѣчіе удалыхъ Германскихъ Тирольцевъ. Инспрукъ покоится на равнинѣ, опоясанной исполинскою рамою снѣжныхъ хребтовъ: куда ни взлянешь, ходя по улицамъ, всюду виднѣются блестящіе очерки горъ, одѣтыхъ бѣлою ризою. Оттуда до Зальцбурга полтора дня умѣренной ѣзды, послѣ которой мы вѣхали въ эту древнѣйшую Христіанскую епархію Германіи. Подъѣзжая къ городу, мы съ изумленіемъ увидѣли выстѣпныя въ скалѣ врата, надъ коими изображены имя и гербъ Архіепископа Сигизмунда, заказавшаго этотъ исполинскій трудъ, съ изящною Латинскою надписью: *Te saxa loquuntur* (и камни о тебѣ гласятъ). По верху воротъ и всего городского вала красуется роскошное нрозябіе деревь, люди топятся, любуются окрестностями, а въ связи съ самородною стѣною, по правую сторону, высится одинокая гора, на коей построены семи-вѣковой зубчатый вышгородъ. Всѣхъ народовъ путешественники въ одинъ голосъ превозносятъ красоту Зальцбурга, а художники съ досадою бросаютъ свою кисть, не надѣясь уловить сходство съ дивными очерками страны, по истинѣ волшебной. Мы съ почтеніемъ взглянули на домъ, въ которомъ родился Моцартъ; посѣтили знаменитый паркъ Князей Шварценберговъ, разсаженный по уступамъ горъ, и гдѣ на каждомъ шагу открываются новыя виды въ синюю даль, нами, къ сожалѣнію, необозрѣнную. Послѣ прогулки, посѣтелей обыкновенно вводятъ въ уединенную бесѣдку: на столѣ лежитъ раскрытая книга для записыванія именъ и впечатлѣній. Это

было для меня минутою торжественно-печальною: я доискивался почерка руки любезнаго мнѣ существа; но старинная книга, давно исписанная, уже хранилась въ архивѣ княжескаго замка, слѣдъ былаго пропалъ, и новая книга быстро наполнялась новыми слѣдами тлѣнія и скоротечнаго земнаго бытія. Я начерталъ съ горестію свое ничтожное имя, съ припискою изъ псалма краткой сердечной молитвы: *дивно свѣтиши отъ горъ свѣныхъ!* Скажу, къ стыду моему, что я, дорожа временемъ и обратно спѣша въ отчизну, отказался отъ поѣздки въ соляныя рудокопни, давшія свое наименованіе Зальцбургу. Мы торопливо разстались съ прелестнымъ городкомъ, и къ вечеру прибыли въ Линцъ, на берега Дуная, чтобы не разлучаться съ нимъ болѣе до самыхъ Галацъ, близъ его устья. Еще одинъ день, и пароходъ перенесъ насъ въ давно-знакомую, прозаическую Вѣну.

VI.

Обратный путь изъ Вѣны чрезъ Галацъ въ Одессу.

Мы опять въ столицѣ Австрійской монархіи. Я поспѣшилъ въ церковь посольскую и къ ея настоятелю, почтенному М. Р., и принесъ въ даръ храму скромное свое умственное приношеніе, состоявшее во вновь отпечатанныхъ мною Французскихъ переводахъ: Бож. литургіи и превосходныхъ бестъ Преосвященнаго Харьковскаго Иннокентія на первую седмицу Великаго Поста. И тотъ и другой посильный трудъ мой, къ несказанному утѣшенію моему, тотчасъ пригодился нѣкоторымъ благочестивымъ душамъ изъ числа однородцевъ и единовѣрцевъ, которые, крѣпко держась Православія, частію не знали нашего языка, частію отвыкли отъ него на чужбинѣ. Въ этомъ случаѣ и при такихъ обстоятельствахъ, сердечное спасибо изъ устъ мѣстнаго пастыря, изъ устъ братій моихъ по вѣрѣ, было для меня лучшею наградою. Посѣщая въ Вѣнѣ православныя церкви и встрѣчаясь съ Словянскими и Греческими единовѣрцами, я разспрашивалъ ихъ о настоящемъ положеніи въ Австрійскихъ владѣніяхъ

нашей церкви, которая въ Карловицѣ имѣетъ своего митрополита и, кромѣ его, въ Венгріи, Буковинѣ и Трансильваніи семь епископскихъ кафедръ, подчиненныхъ Карловичскому святителю. Сему освященному собору ввѣрено свыше духовное управленіе двумя съ половиною милліонами восточныхъ Христіанъ, не считая тѣхъ, кои разновременно приложились къ Уніи.

Судьба Восточной Церкви съ незапамятныхъ временъ повсюду была одинакова: малому стаду православныхъ суждено терпѣть отъ недруговъ и друзей, по враждѣ первыхъ и по неразумію послѣднихъ. Отъ эпохи Флорентинскаго Собора преслѣдующему нить происшествій до настоящихъ временъ нельзя не замѣтить самодовольнаго убѣжденія западныхъ Христіанъ въ томъ, будто бы мы, православные, давно перестали умственно и нравственно существовать. Однако сбывается надъ нами, хотя и недостойными, дивное изреченіе Апостола Павла: *присно умирающе, и се живи есмы*. Не упоминая здѣсь о плачевной участи нашихъ единовѣрцевъ въ цѣлой Азіи и Европейской Турціи, скажемъ только немного словъ о состояніи Православія въ областяхъ Венгерскихъ и Илирійскихъ. Въ этихъ странахъ іерархія наша находится въ какомъ-то безпримѣрномъ одиночествѣ, безъ всякихъ сношеній и связей съ прочими членами того же таинственнаго тѣла, отсюда окруженная, даже проникнутая иновернымъ вліяніемъ. Множество частныхъ отпаденій опечалили сію сиротствующую Церковь; однако, сверхъ всякаго человѣческаго чаянія, она жива и держится не столько дѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ, сколько таинственнымъ осѣненіемъ свыше. Въ доказательство сей истины замѣтимъ, что, напримѣръ, народность Словянская оказалась недостаточнымъ оплотомъ противъ Уніи; что наоборотъ Волохи и Молдоване, которые, сто лѣтъ тому назадъ, промѣняли Словянское богослуженіе на природное туземное, не смотря на перемѣну звуковъ, ни мало не измѣнили Православію. И такъ, смѣло можно воскликнуть съ древнимъ поэтомъ: *spiritus intus alit*, инако, на языкѣ Откровенія: не мышца плотная насъ подкрѣпляетъ. Въ 1845 г. Венгерскій сеймъ (въ собраніяхъ коего присут-

ствуютъ и наши православные святители , на особой скамьѣ позади Латинскихъ), сеймъ , говорю , занимаясь многоразличными преобразованіями въ королевствѣ , установилъ , между прочимъ , для всѣхъ природныхъ жителей Венгріи неограниченную и ни чѣмъ болѣе не стѣсняемую свободу вѣроисповѣданій. Симъ закономъ допускается переходъ изъ одного исповѣданія въ другое , такъ что лютеране , реформаты , уніаты и римско-католики могутъ отнынѣ безпрепятственно исповѣдывать вѣру по собственному убѣжденію. При утвержденіи новаго устава правительствомъ , сдѣлано , однакожъ , изытіе странное и неизяснимое , въ силу коего однимъ православнымъ возбранялось пользоваться свободою , всѣмъ вообще дарованною. Это происходило , какъ я сказалъ , въ 1845 г. , разумѣется , не безъ ропота и негодованія со стороны униженныхъ предъ своими согражданами. Предстоятели церквей и даже нѣкоторые государственные мужи , по чувству справедливости , стали домогаться отмѣны , и вскорѣ послѣ того законъ обнародованъ былъ безъ всякихъ исключеній. Наступилъ 1846 годъ , и въ самое время нашего пребыванія въ Вѣнѣ получена была изъ Венгріи и Буковины неожиданная вѣсть : около 20,000 уніатовъ , по внутреннему побужденію , присоединились снова къ Православной Церкви , подъ защитою возвращеннаго имъ права. Епископъ ихъ , лишенный опоры человѣческаго страха , остался одинъ съ немногими въ паствѣ своей. Не удивительно , что подобное происшествіе горячо занимало тогда въ Вѣнѣ мыслящихъ людей. Нѣкоторые , разсуждая о случившемся , начали догадываться , что прежніе толки о вынужденномъ будто бы воссоединеніи уніатовъ въ Россіи не имѣли основанія. Ибо Венгерское событіе обличало какую-то недознанную въ ушатахъ готовность пристать снова къ колыбели своей , готовность , подавляемую житейскими отношеніями и заботами , слѣдственно малодушную , но тѣмъ не менѣе существенную. Какъ бы то ни было , а описываемый мною случай , котораго я былъ почти очевидцемъ , и поучителенъ , и радостенъ , и вмѣстѣ прискорбенъ : пора бы всѣмъ вообще Христіанамъ распространять царство Христова оружіемъ духовнымъ ,

безъ примѣси ничтожныхъ цѣлей земныхъ, безъ всякаго раболопства Религіи рассчитаю политическимъ, однимъ словомъ: силою той Вѣры, которая, по слову тайновидца, была побѣдою, побѣдившею міръ.

Прилежнѣе всматриваясь въ гражданскій бытъ едино-вѣрцевъ нашихъ въ Венгріи и въ различныя эпохи ея церковной летописи, должно признаться, что разноплеменность православныхъ и нелѣпое между ними соперничество всегда были главнымъ поводомъ къ частымъ отпаденіямъ. Словянская стихія стремилась къ преобладанію; Волохи и Молдоване считали себя тѣмъ обиженными; духовное междоусобіе возымѣло гибельное слѣдствіе, предреченное Св. Евангеліемъ. Наконецъ, лѣтъ 15 тому назадъ, Влахо-Молдавское народонаселеніе сильно возстало противъ закоренѣлаго обычая: возводить на праздныя епископскія кафедры однихъ только природныхъ Словянъ. Оно успѣло исходатайствовать себѣ право избирать на святительскія мѣста достойныхъ безразлично изъ среды своей. Тѣмъ распря кончилась, отнюдь не во вредъ Словянамъ, а напротивъ въ пользу и славу колеблемаго до тѣхъ поръ раздорами Правословія. И не потому ли теперь свершившееся примиреніе видимо благословляется, духовное образованіе подвигается впередъ, и самое мѣстное правитель-ство начало изъявлять болѣе довѣрія и благоволенія къ нашей Церкви? Покойный Митрополитъ Карловскій Стратимировичъ, старецъ мудрый и сановитый, котораго я очень помню, способствовалъ немало сему счастливому обороту дѣлъ. Онъ однажды, въ голодный годъ, вздумалъ прокормить страждущихъ своей епархіи собственнымъ иждивеніемъ, щедро расточалъ церковныя деньги для сей богоугодной цѣли; но, благодѣтельствуя такимъ образомъ, онъ постоянно разглашалъ въ народъ, что помощь происходитъ не отъ него, а должна быть приписана Императору Францу 1-му. Согласитесь, что этотъ благой умыселъ долженствовалъ разсѣять множество непріязненныхъ предубѣжденій.

25-го Мая

6-го Іюня. Мы сѣли на пароходъ, установили на палубѣ огромныя свои вежи, расположились на скамьяхъ, въ

разноцвѣтной толпѣ пассажировъ, и отправились по широкому Дунайскому руслу, мимо славнаго поля Ваграмской битвы, внизъ по теченію могучей рѣки, и въ тотъ же вечеръ бросили якорь подъ стѣнами сугубаго города, именуемаго Пестомъ и Будою. Здѣсь средоточіе и сердце Венгерскаго племени, сборное мѣсто магнатовъ и кунцовъ; здѣсь слышатся незнакомые звуки Венгерскаго языка, во многомъ похожаго на Турецкій. Но лишь только отъѣхали мы нѣсколько далѣе внизъ, чистые и пріятные звуки Словяно-Сербскаго нарѣчія вдругъ смѣнились и вытѣснили Венгерскій говоръ. Оттолъ соперница Волги, рѣка Дунай сдѣлалась опять, въ прямомъ смыслѣ, родною ея сестрою: та же широта, то же обиліе водъ, тѣ же по ея берегамъ родные отголоски Словяно-Русской рѣчи. Я тутъ невольно вспомнилъ, что въ 1815 г. случилось мнѣ быть у самаго источника Дуная, при Швабскомъ городѣ Донаушингенѣ. Теперь предлежалъ намъ путь до самаго устья той же рѣки, оживляемой съ нѣкотораго времени день и ночь перекрестнымъ плаваніемъ 30 пароходовъ. На нихъ развозятъ товары и людей, и вообще первые охотнѣе, нежели послѣднихъ. Намъ надлежало четыре раза перебираться съ парохода на пароходъ, среди страннаго смѣшенія и столкновенія народовъ и нарѣчій. Ибо корабельщики говорили по-Итальянски и по-Нѣмецки, матросы по-Словянски, а проѣзжіе почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Виды природы по берегамъ довольно однообразны, далеко уступаютъ красотѣ береговъ романтическаго Рейна. Пресловутые пороги близъ Кладова, извѣстные подъ названіемъ Желѣзныхъ Воротъ, ни чуть не страшны: мы благополучно пробрались между тѣсннами скалъ, подъ шумомъ пѣнистыхъ водъ, но, повторяю, безъ малѣйшей опасности. На правой сторонѣ, вдали, показалась грозная крѣпость Петервардинъ, прославленная въ исторіи блестящею побѣдою, одержанною надъ мусульманами Принцемъ Евгениемъ Савойскимъ. Нѣсколько дѣлѣе, на разсвѣтѣ, завидѣли мы Бѣлградъ, нынѣшнюю столицу Сербскаго Княжества, въ которой, однакожь, осталась для стражи горсть Турецкаго войска. За то храбрые Сербы стяжали собственнымъ мечемъ и покровительствомъ Рос-

сін народное свое бытіе, оживаютъ нынѣ для улучшеній жизни гражданской, заводятъ училища и возвели на епископскія кафедры Сербіи туземнаго митрополита и трехъ епископовъ изъ природныхъ же Сербовъ съ тѣмъ только, что они рукополагаются и утверждаются Константинопольскою патріаршею церковью. Еще одинъ шагъ и мы очутились у береговъ Валахіи, огражденныхъ карантинною стражею отъ вторженія чумы, по силѣ Андріанопольскаго мирнаго договора, и бросили якорь передъ Браиловымъ. Сколько разъ эта зловѣщая роковая твердыня выдерживала кровопролитныя осады, взята была штурмомъ, обливаемая пожарнымъ пламенемъ и кровью ратныхъ воиновъ Русскихъ! Теперь нѣтъ уже проклятыхъ окоповъ и бойницъ; главная мечеть превращена въ Христіанскую церковь; городъ строится и украшается ежегодно; торговля оживляетъ новую пристань, и общее благоденствіе жителей возрастаетъ, какъ живой, нерукотворенный памятникъ покровительства Николая I.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ благотворныя условія Адріанопольскаго трактата сравнили съ землею на лѣвомъ берегу Дуная укрѣпленія Турна, Журжи и Браилова, и доставили княжествамъ право народнаго ополченія и свободной торговли, Валахія и Молдавія утѣшены и вознаграждены вполнѣ за несмѣтныя пожертвованія и злостраданія, коимъ онѣ подвергались, изъ любви и преданности къ Россіи, въ продолженіе цѣлаго столѣтія. И подлинно, слишкомъ сто лѣтъ прошло со дня подписанія мира Петромъ Великимъ, у береговъ Прута, съ великимъ визиремъ, обступившимъ съ толпами янычаръ боевой станъ преобразователя Россіи. Знаменитый Князь Димитрій Кантемиръ, скрывавшійся во время переговоровъ въ каретѣ Императрицы Екатерины I-й, спасенъ былъ отъ гибели великодушіемъ Русскаго Вънценосца; ибо Турки настоятельно требовали, какъ условія мира, выдачи имъ Молдавскаго господаря. Но Петръ, по свѣдѣтельству современныхъ историковъ, не смотря на крайнюю опасность своего положенія, отвѣчалъ переговорщикамъ: что онъ скорѣе уступитъ завоеванныя области до самаго Курска, нежели согласится выдать Туркамъ Канте-

мира. Непреклонность Петра и вмѣстѣ мятежное волненіе янычаръ побудили къ уступчивости великаго ви-зиря; но онъ въ послѣдствіи заплатилъ своею головою за невыгодное примиреніе. Съ тѣхъ поръ, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Минихъ ходилъ войною на Молдавію, покорилъ Хотинъ и тѣмъ загладилъ память неудачнаго похода Петрова. Далѣе, Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ, Орловъ и Нассау, въ царствованіе Екатерины II-й, наносили Турціи ударъ за ударомъ, на морѣ и на сушѣ. Императоръ Александръ I-й шесть лѣтъ сряду велъ съ Султанами войну, смѣненную грознымъ на насъ нашествіемъ Наполеона. Но княжества все еще оставались подъ шаткимъ управленіемъ семи-лѣтнихъ господарей, страдали отъ водворенія въ крѣпостяхъ на лѣвомъ берегу Дуная Турецкихъ войскъ и затруднялись въ развитіи благосостоянія прекрасной и богатой своей земли. Предоставлено было настоящему царствованію воздвигнуть, силою оружія, отъ Бѣлграда до устья Дуная твердый памятникъ протекшихъ превратностей и побѣдъ и вмѣстѣ залогъ временъ лучшихъ.

Приставъ къ берегу въ Галацахъ, мы были изумлены дѣятельностію тамошней торговли: въ гавани развѣвались флаги всѣхъ Европейскихъ народовъ; дымились пароходы; спѣшно нагружались купеческія суда; карантинъ высился на стражѣ мѣстной безопасности, и востокресающій городъ строился, хотя безъ плана, но на пространствѣ необозримомъ. Эти слѣды благотѣльнаго вліянія Россіи казались намъ лучшимъ опроверженіемъ тѣхъ кривыхъ толковъ и злостныхъ нареканій, какія позволяютъ себѣ завистники сѣвернаго колосса.

Отъ Галацъ до перваго Русскаго городка Рени, при впаденіи Прута въ Дунай, плаваніе совершается на лодкахъ, и оно весьма не продолжительно.

Послѣ девяти-мѣсячнаго отсутствія мы опять дома — на Руси — на древней Дакійской почвѣ. Путь нашъ лежалъ чрезъ Болгарскія колоніи, по направленію къ Днѣстру. Эти поселенія, числомъ 83, удивительнымъ образомъ благоустроены и оживляютъ собою древнюю степь. Болгаре — народъ трудолюбивый, благонравный, разноре-

менно переходилъ къ намъ изъ-за Дуная, получилъ земли и льготы, оподотворилъ Буджакъ, и едва ли благоденствіемъ своимъ не опередилъ всѣхъ прочихъ иностранныхъ переселенцевъ. Словянскій здравый смыслъ, соединенный съ любовью къ труду и восточной домовитостью, по истинѣ совершилъ чудеса въ пустынь. Въ каждомъ селеніи иждивеніемъ Болгаръ сооружена благолѣпная церковь, открыто сельское училище; проѣзжіе любятъся признаками общественнаго довольства и дружнаго стремленія къ добру, и то вопреки неурожаю трехъ послѣднихъ лѣтъ. Наконецъ средоточіе Болгарскихъ поселеній — Болградъ, съ превосходною соборною церковью, общественнымъ садомъ и водоемомъ, представляется путнику явленіемъ загадочнымъ и почти неизъяснимымъ. Но разспросите добрыхъ Болгаръ: кто и какъ помогъ имъ осуществить всѣ сіи полезныя начинанія? Они отвѣтятъ вамъ: нашъ отецъ и благодѣтель, покойный Иванъ Никитичъ Инзовъ. Тутъ же узнали мы, что благодарность этого Христіанскаго народа къ усопшему старцу — Христіанину высказалась единодушною просьбою Болгаръ Государю Императору: о перенесеніи останковъ государственнаго мужа изъ Одессы, гдѣ онъ скончался и погребенъ, въ любимый имъ Болградъ, въ заложенную имъ самимъ здѣсь кладбищенскую церковь (*).

Не станемъ описывать береговъ Днѣстра и окрестностей Одессы: тѣ и другія слишкомъ знакомы жителямъ южной Россіи. Скажемъ только, что плывя за нѣсколько дней по Дунаю, среди необозримыхъ равнинъ Венгріи, мы на каждомъ шагу вспоминали Новороссійскую степь; а взаимно теперь, приближаясь къ Одессѣ, вспомнили о Венгріи. И тамъ и здѣсь та же необъятность небосклоновъ, тѣ же тучныя пастбища и безчисленныя строй масти стада; та же баранья шуба, шапка, усы и

(*) Генералъ отъ Инфантеріи И. Н. Инзовъ управлялъ иностранными переселенцами южной Россіи съ 1818 г. Скончался въ Одессѣ 27-го Мая 1845 г. Перенесеніе его тѣла въ Болградъ совершилось 9-го Ноября 1846 г. См. Одесскій Вѣстникъ 1846 года, N 93.

чеботы на Венгерскихъ поселеняхъ, что и на нашихъ Малороссахъ. Начиная съ самаго Песта до Галацъ и Одессы, мы путешествовали за рубежомъ гражданственности Европейской, въ первобытныхъ и мало измѣнившихся странахъ, по коимъ древле кочующія племена Востока, какъ волна за волною, неслись для нападеній на утлую Римскую Имперію. Однѣ только Греческія колоніи вдоль Эвксинскихъ береговъ рѣзко отличались отъ Скиѣской пустыни, которая, въ величавой наготѣ и дикости своей, представлялась въ видѣ мрачнаго ландшафта въ богатой золотой рамѣ.

Друзьямъ моимъ скажу еще одно слово: для нихъ и собственно въ угоду имъ наполнилъ я записную книжку свою несвязными воспоминаніями. Они заключились воспоминаніемъ священнымъ для меня и вмѣстѣ грустнымъ. Мы заѣхали въ осиротѣлую усадьбу, именуемую Манзырь, устроенную моею сестрою, въ которой скромный домъ подъ густою тѣнію деревъ, одинокая церковь, училище, а на холмѣ — мраморный ликъ Александра Благословеннаго, — доставили намъ тихій, безмолвный пріютъ, утѣшающій странниковъ усталыхъ, мыслию о скоротечности всѣхъ тревогъ и обуреваній земныхъ.

А. Стурдза.

Одесса.

Ноябрь, 1846 г.
